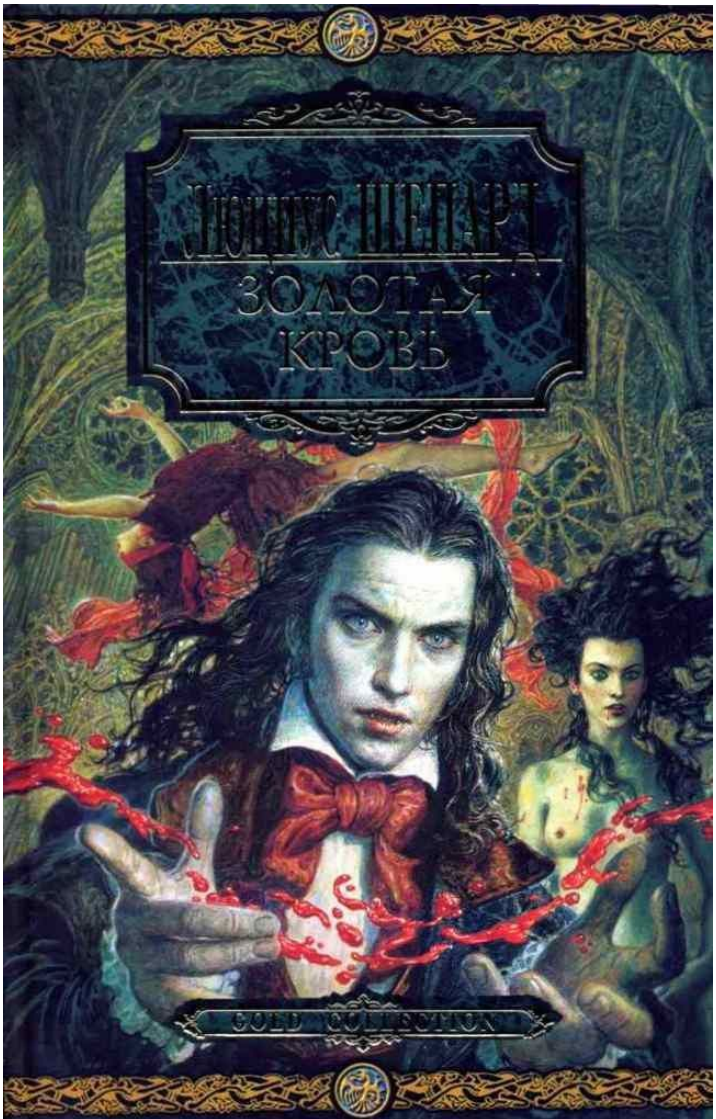
ЛЮДИНА ШЕПАРД
ЗОЛОТАЯ КРОВЬ
GOLD COLLECTION

Люциус Шепард
Золотая кровь

OCR – Paco, вычитка – Георгий
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156673
Золотая кровь: Роман / Люциус Шепард : Издательский Дом «Азбука-классика»; СПб; 2007
ISBN 978-5-91181-450-2
Оригинал: LuciusShepard, "The Golden"
Перевод:
Александр Александров

Аннотация

Впервые на русском – знаменитый шедевр прославленного Люциуса Шепарда, поднявший вампирскую тему на недосягаемую прежде высоту!

Время действия – вторая половина XIX века.

Место действия – замок Банат высоко в Карпатских горах, исполинский плод фантазии безумного архитектора.

Раз в пятьсот лет в Банат съезжается Семья. Вампиры со всей Европы готовятся обсудить стратегические планы на будущее и поучаствовать в церемонии Сцеживания: отведать самой сладкой, самой хмельной – золотой крови.

Но накануне церемонии замок облетает немыслимая весть: Золотистая девушка, результат многовекового труда лучших вампиров-селекционеров, – злодейски убита! Единолично выпита до дна неведомым преступником!

Найти его Патриарх Семьи поручает вампиру-новичку Мишелю Бехайму, префекту парижской полиции. Лихо взявшись за дело, Мишель вскоре понимает, что убийство – это лишь верхушка айсберга, что истинная подоплека случившегося сложнее, чем он способен помыслить, и что соперничающие кланы вампиров используют его как разменную пешку.

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 19
ГЛАВА 3 29
ГЛАВА 4 39
ГЛАВА 5 49
ГЛАВА 6 65
ГЛАВА 7 79
ГЛАВА 8 91
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Люциус ШЕПАРД
ЗОЛОТАЯ КРОВЬ

Посвящается Майклу и Мэри Рита.

Марк Зисинг и Ральф Вичинанца, Лу Ароника и Дженнифер Хершн,

Стюарт Шифф и Крис Лотте, Элис Тернер и Гарднер Дозуа,

а также Эллен Дэтлоу, Боб Фрейзер и Арчи Феннер –

перед вами я в неоплатном долгу

ГЛАВА 1

Вечером в пятницу 16 октября 186... года в замке Банат [1] состоялся бал, на подготовку к которому ушло более трех столетий. Правда, сугубо церемониальной стороне, внешнему блеску и великолепию этого события отводилось второ-

[1] Банат (Banat) – историческая область на юго-востоке Европы. Расположена между Трансильванскими Альпами на востоке, реками Тисой на западе, Мурешем на севере и Дунаем на юге. Как феодальное владение Банат возник на рубеже X – XI вв. С XII в. принадлежал Венгрии, в середине XVI – начале XVIII вв. в составе Османской империи. По Пожаревацкому мирному договору 1718 г. перешел под власть Австрии (позднее Австро-Венгрии). По Трианонскому мирному договору 1920 г. разделен между Румынией и Югославией: западная часть Баната входила в состав Югославии (автономный район Воеводина), восточная – в состав Румынии.

степенное значение. Основные же усилия и время были потрачены на то, чтобы, взрастив и смешав несколько линий крови смертных, получить редчайшую из эссенций, выдержанный напиток непревзойденного аромата и букета – Золотистую. Трясясь ночами в поездах и каретах, днем останавливаясь на постоялых дворах, изо всех уголков Европы съезжались члены Семьи, чтобы принять участие в церемонии Сцеживания. И вот, облачившись в блестящие вечерние платья и фраки, – кое-кто в сопровождении смертных слуг, которые, хоть и были по-своему красивы и хорошо одеты, на фоне хозяев казались серенькими пони, чей удел – вести на беговую дорожку чистокровных, – они собрались в бальной зале, напоминавшей пещеру. Ее мшистые каменные своды покоились на контрфорсных арках, освещалась она десятками серебряных светильников, а доминантой ее интерьера был камин таких размеров, что в нем вполне можно было зажарить целого медведя. Среди собравшихся гостей были представители де Чегов и Валеа – ветвей, в ту пору враждовавших между собой из-за земель. Но в эту ночь все разногласия были оставлены и воцарилось шаткое перемирие. Звенел смех, велись изысканные беседы, кружились в танце пары, и со стороны могло показаться, что это царственные особы из сотни разных стран собрались на какое-то пышное торжество, а не вампиры слетелись на свое сборище.

Но разговоры отдельных гостей выбивались из общего праздничного настроя. У камина стояли двое мужчин и жен-

щина, пламя отбрасывало на их лица красноватый свет. Они обсуждали спорную тему: не следует ли Семье, гонимой врагами, перебраться на Дальний Восток, в непроходимые первозданные места, куда еще не ступала нога человека и где их племя труднее было бы обнаружить. Эту идею отстаивал старший из двух мужчин, Роланд Агенор, основатель рода Агеноров, чье положение летописца и историка Семьи усиливало убедительность его доводов. Высокий, аристократической внешности, с густой седой шевелюрой, он был похож на отставного офицера или достигшего пика своих возможностей элегантного атлета зрелых лет. Его противницей в споре была госпожа Долорес Каскарин-и-Рибера, смуглокожая красавица с черными волосами до пояса и хищными чувственными чертами лица. Фактически она выступала от имени реакционно настроенной части Семьи, считавшей, что в борьбе нельзя ни просить, ни давать пощады, – эта позиция воплощала в себе традиционное презрение Семьи ко всем смертным. Третьим в этой группе был Мишель Бехайм [2], худощавый молодой человек, ростом еще выше, чем Агенор, с волнистыми каштановыми волосами и необыкновенными большими черными глазами, придававшими его лицу почти женскую утонченность и страстность и укреплявшими впечатление, что он всегда готов разразиться какой-ни-

[2] Автор, по всей видимости, дал своему герою имя поэта-мейстерзингера Михаэля Бехайма (1416 – 1472), написавшего поэму «Дракул-воевода» («О злодее, который звался Дракул и был воеводой Валахии» – «Von ainem wutrich der hies Trakle Waida von der Walachei»)

будь пылкой речью, – правда, сейчас он находился в полной растерянности. Пользуясь покровительством Агенора, он не мог не держать сторону историка. В то же время его совсем недавно приняли в Семью, он был среди слабейших ее членов – не прошло и двух лет с ночи его посвящения кровью, и ему невозможно было устоять перед красотой и пылом госпожи Долорес, перед яркой, обольстительной мощью традиции, дух которой стоял за ней. Он поймал себя на том, что невольно кивает ее словам, не в состоянии отвести взгляда от смуглых выпуклостей ее грудей и изгиба жестоких сочных губ, вдруг представив себя с ней в постели, в самых разных позах. Стоя рядом с ней, он совсем потерял чувство реальности, и, когда Агенор призвал его дать отповедь какому-то утверждению госпожи, Бехайм вынужден был признать, что потерял нить ее рассуждений. Агенор неодобрительно взглянул на него, а госпожа Долорес презрительно рассмеялась.

– Роланд, я сомневаюсь, что он произнес бы что-нибудь стоящее, – сказала она.

– Прошу прощения, – начал было Бехайм, но Агенор не дал ему договорить:

– Пусть мой юный друг не так давно с нами, однако, позвольте заверить вас, он обладает весьма проницательным умом. Известно ли вам, что до своего посвящения он успел добиться должности начальника сыскного отдела парижской полиции? Полагаю, в его возрасте еще никто не достигал таких высот.

Госпожа Долорес изобразила всем своим видом почтение.

– В нашем споре опыт полицейского совершенно бесполезен.

На этот раз начавшего говорить Агенора перебил Бехайм:

– Сударыня, при всем к вам уважении, хотел бы заметить – не требуется ни богатого опыта, ни искусного ума, чтобы прийти к заключению о неминуемости перемен – как во всем мире, так и в Семье. Едва ли благоразумно придерживаться принципа «Смерть или бесчестие», особенно если принять во внимание, что он полностью лишает нас возможности отстаивать свою честь в будущем.

– Вы еще не услышали песнь вашей крови, – сказала госпожа Долорес. – Это очевидно.

– Неправда! – возразил Бехайм, не уверенный, впрочем, говорит она о чем-то реальном или просто прибегает к метафоре. – Ваши доводы целят в мою гордость, мое чувство чести. Но даже честь и гордость не должны существовать в отрыве от действительности, иначе они – лишь измышления тщеславного ума. Как вам доподлинно известно, изобретены лекарственные средства, позволяющие нам обойтись без темного сна и иных живописных неприятностей, что столь долго сопутствовали нашему состоянию, и таким образом мы можем заниматься чем нам заблагорассудится и в дневное время – пока на нас не падает свет. И недалек тот час, когда наши ученые мужи, возможно, из тех, что уже сейчас трудятся на службе у моего господина, – он кивнул на

Агенора, – откроют способ, который позволит нам свободно разгуливать днем. Это неизбежно. А с такими переменами не должны ли и мы сами полностью измениться? Полагаю, должны. Мы вынуждены будем пересмотреть нашу роль в делах мира. Думаю, когда-нибудь мы откажемся и от нашего нынешнего отношения к смертным, объединившись с ними в грандиозных начинаниях. Возможно, нам никогда не удастся сделать это с полной искренностью, открыв им, что мы собой представляем. Но пусть хоть как-то.

– Перспектива шляться под солнечными лучами меня не слишком соблазняет, – ответила госпожа Долорес. – Что же касается объединения с людьми в чем-либо, кроме как утолять ими свой голод, – у меня нет слов, чтобы выразить свое омерзение. А потом вы еще предложите нам советоваться с коровами на пастбище. Примерно то же по гнусности своей.

– Мы все когда-то были смертными, сударыня.

– Чувствуется влияние Агенора.

– На меня никто не влияет, – вспылил Бехайм. – Изволите доказательств – буду рад их представить.

Лицо госпожи Долорес на миг исказил гнев, который сменило изумление.

– Дерзость порой забавна, – процедила она. – Но берегитесь – она не всегда будет встречена столь благосклонно.

Ее глаза, устремленные на Бехайма и раскрывшиеся чуть шире, слегка потемнели, в них прибавилось блеска; казалось, они одновременно затаили угрозу и обещали страстные

ласки. По его плечам пробежала дрожь, и он вдруг как будто стал маленьким, ослабел, словно съежился под неодобрительными взглядами огромной толпы, но ему было понятно – это не что иное, как действие пристального взгляда госпожи Долорес. В нем читался весь груз прожитых ею лет – согласно молве, двухсот девяноста – и грозный запас накопленной силы. Он был беспомощен перед ней, как загипнотизированная змеей птица, которую ужасает и в то же время притягивает уготованная ей судьба. Казалось, лицо ее и все тело изломались, будто отраженные в воде, да и сама бальная зала словно искривилась, темные пространства разрослись, пламя свечей заколыхалось мигающими огненными кинжалами, все вокруг приняло очертания бредовой грезы – меж групп рослых изящных привидений, словно вышедших из какого-то видения Эль Греко, уходили вдаль призрачные коридоры. И вдруг кошмар рассеялся так же быстро, как перед тем пришел, он растворился бесследно, предоставив его самому себе, как ребенка, проснувшегося среди ночи и обнаружившего, что сбросил на пол одеяла, под которыми было так жарко, отчего и приснился дурной сон.

– В своем сценарии вы упускаете из виду ту печать страсти, которой отмечена наша природа, потребность владеть и властвовать, – продолжила госпожа Долорес как ни в чем не бывало.

Бехайму, не успевшему еще окончательно прийти в себя, не сразу удалось привести в порядок мысли, но надменное

выражение лица госпожи Долорес подстегнуло его и помогло обрести твердую почву под ногами.

– Я ничего не упускаю из виду, – ответил он. – И не отрекаюсь от своей природы. Теперь я принадлежу Семье, и так тому и быть. Однако я склонен иначе, нежели вы, трактовать сущность состояния, в котором мы пребываем. В то время как вы упорно утверждаете, что неведомыми злыми божествами нам дозволено творить все, что угодно, я смею полагать, что мы поражены недугом, самые яркие симптомы которого – жажда человеческой крови и долголетие. У нас уже есть некоторые доказательства этого. Я, конечно же, имею в виду открытые представителями рода Валеа вещества, что время от времени образуются в крови смертных и, очевидно, являются одним из факторов, позволяющих немногим избранным остаться в живых после смертельного укуса и таким образом породниться с Семьей.

– Долголетие! – повторила за ним она. – Тускловатое словцо для обозначения бессмертия.

– Сударыня, вам куда больше, чем мне, известно о наших Тайнах. Но даже вы, надеюсь, не будете отрицать, что имеются некоторые сомнения относительно характера этого так называемого бессмертия. Потому-то и важно изменить те взгляды на наше состояние, которых вы придерживаетесь. Если мы хотим достичь настоящего бессмертия и избежать тех гротескных превращений, что несет с собой жизнь, длящаяся много веков, нам нужно лечиться от этой болезни в

надежде смягчить ее долгосрочные последствия. Если мы и дальше будем считать себя непредсказуемыми повелителями ночи, изменчивыми господами и госпожами, которые, при всей своей силе, пылая этим болезненным жаром, обречены на ужас такого существования, то мы в точности такими и останемся. Это, конечно, может утолить показную жажду саморазрушения, но и только. По моему мнению, в крайностях насилия и жестокости мы не столько следуем велению нашей природы, сколько потворствуем эмоциям, сопутствующим больному сознанию. Действительно, мы уже не принадлежим к смертным. И у меня нет желания вернуться в их число. Как и вы, как все мы, я полюбил эту лихорадку. И все же я не думаю, что некоторое видоизменение нашего поведения погубит нашу природу.

– Вы еще дитя, чтобы судить об этом, – сказала госпожа Долорес. – Да, вы говорите с большим воодушевлением, но ведь ясно, что вы марионетка, которой управляет образ мыслей вашего хозяина. Возможно, вы и способны ощутить кое-что из того, что чувствую я, но вам незнакома острота этих переживаний. Вы не познали еще имена теней, неотступно преследующих нас.

– Быть может, вы и правы. Но можно сказать и иначе: причина в том, что симптомы болезни, странности восприятия и тому подобное у меня не зашли столь далеко, как у вас, – Бехайм поднял руку, предупреждая ее возражения. – Сударыня, мы можем спорить до бесконечности. Логика – ин-

струмент гибкий, и мы оба сумеем выстроить с его помощью нужный нам обман. Но я к этому не стремлюсь. Все дело в трактовке, и я лишь предлагаю вам попытаться понять мою точку зрения ради того, чтобы облегчить наш удел. Согласитесь: приверженность традиционным взглядам в последнее время скорее мешала, чем помогала нам. И что плохого в том, чтобы допустить возможность иного, более перспективного пути развития?

Госпожа Долорес рассмеялась, как показалось Бехайму, вполне добродушно.

– С какой логической гибкостью вы доказываете мне тщетность использования гибкой логики!

Бехайм склонил голову, признавая ее остроумие, и собирался с новым пылом продолжить спор, но тут Агенор, взглянув на лестницу в западном конце залы, на массивные двери черненого дуба, к которым она вела, сказал с дрожью в голосе:

– Это она!

И почти сразу двери растворились, явив толпе белокурую девушку в прозрачной ночной сорочке. Она двинулась вниз по ступенькам, подобрав подол рубашки с каменного пола, неся с собой знакомый запах крови смертных. Да, знакомый, но такого насыщенного, нежного букета еще не было в жизни Бехайма. Он, как и все, повернулся к ней. Тонкий аромат разбудил в нем жажду. Он был столь осязаемым, что его воображению предстала картина сада – там по берегам алой

реки растут розы, среди которых можно бродить, а в воздухе висит таинственная золотая дымка, кружащаяся в такт томному биению сердца.

Девушка шла сквозь толпу, застывшую вокруг нее словно по мановению волшебной палочки. Редко встретишь такую красоту среди смертных! Она была стройна, бледна, волосы кукурузного оттенка искусно вспенены цветком орхидеи. Кремовые бугорки ее грудей покрывал едва прорисовывающийся узор голубоватых жилок. Она приблизилась к ним, замедлив шаг рядом с долговязым, хищного вида гостем и его слугой, и Бехайм увидел ее глаза – настоящие россыпи драгоценных камней: радужные оболочки – точь-в-точь как бирюза, а на них – крапинки топаза и золота; верхняя губа чувственно и капризно выпячена. Лицо своенравной девочки, еще не совсем уверенной в своей привлекательности, ощущающей, но не вполне понимающей силу своих телесных чар. Выпуклость ее живота, груди, столь уязвимые в своих шифоновых гнездышках, и, конечно же, манящий зов ее крови привели Бехайма в исступленный восторг. У него потекли слюнки, пальцы скрючились. Он вдруг обнаружил, что дрожит, едва сдерживаясь, и, не в силах более выносить ее присутствие рядом с собой, опустил глаза. Если один только аромат крови Золотистой способен вызвать такую безумную жажду, каково же было бы отведать ее?

Он провожал ее взглядом – она неторопливо удалялась с ленивой грацией, как будто летним днем вышла прогуляться

по парку. Члены Семьи расступились, образуя коридор, по которому она вернется к лестнице, а затем войдет в палату, где проведет ночь и следующий день под защитой Патриарха. Но уже почти скрывшись из виду, она вдруг застыла, обернулась и посмотрела на Бехайма. Потом сделала несколько нетвердых шагов обратно, к нему. Ее сжатые руки были сплетены на животе; казалось, она была взволнована: рот приоткрылся, щеки пылали. Ее пристальный взгляд с новой силой подстегнул его жажду. Рассудок отступил, Бехайм более не владел собой и уже подался вперед, но не успел прикоснуться к девушке – кто-то вцепился ему в плечо и рванул назад. Взбешенный тем, что ему хотят помешать, он развернулся, занес руку для удара, но, увидев каменное лицо Агенора и почувствовав на себе силу этих светящихся черных глаз, сразу остыл и понял, сколь грубо нарушил правила приличия. Как бы в подтверждение, по толпе прокатился шепоток, послышался приглушенный смех. Значит, они всё видели. Никто не пропустил. Вот и госпожа Долорес за ним следила: выражение лица у нее торжествующее. Так, может быть, это она каким-то образом руководила чувствами и поведением девушки, а заодно и его безумным порывом – чтобы унизить его? Горя от стыда, он рванулся к ней, но Агенор снова удержал его, с неумолимой силой обхватив рукой за шею и потянув к себе. Смешки, начав было переходить в хохот, стихли, и в зале повисла напряженная тишина.

– Отпустите меня, – потребовал Бехайм. – Я ничего не

сделаю. Пустите.

Агенор с видимой неохотой освободил его.

Бехайм поправил помятый фрак и бросил на госпожу Долорес взгляд, полный ненависти. На миг она, похоже, смутилась, в ее лице мелькнула неуверенность, но она быстро овладела собой.

– Уж не хотите ли вы бросить мне вызов? – насмешливо сказала она.

– Одно дело, чего я хочу, и другое – что обязан делать, подчиняясь традиции, – ответил Бехайм. – Но клянусь вам, сударыня, вы еще пожалеете о том, что произошло сегодня.

Несколько представителей рода Каскарин подошли поближе к госпоже Долорес, изготовившись встать на ее защиту, а за спиной Бехайма точно так же подтянулись родственники Агенора.

– Подумайте хорошенько, кузина, – сказал ей Агенор, – стоит ли вам затевать войну с Агенорами.

Чуть помедлив, госпожа Долорес подала своим защитникам едва заметный знак отступить, удостоила Агенора отрывистым кивком, резко развернулась, шурша юбкой, и прошествовала в другой конец залы.

Бехайм хотел было поблагодарить своего наставника, но не успел раскрыть рта, как Агенор, устремив взгляд поверх его головы, тихо сказал:

– Возвращайся к себе.

– Господин, я лишь...

– Вдобавок к своей глупости ты еще и глухой? – Агенор набрал в легкие воздуха. – Я взял тебя в ученики, увидев в тебе сдержанность и умение взвешивать свои действия – качества, которые, как я надеялся, сохранятся у тебя и после вступления в Семью. Сегодня ты выставил меня таким же безмозглым болваном, каков ты сам. Ступай же!

Бехайм стоял как вкопанный, сам не свой от стыда.

– Если ты сию минуту не уйдешь, – холодно проговорил Агенор, – я тоже могу не сдержаться. Слышишь?

Бехайм, сбивчиво бормоча извинения, подался на шаг назад и, кидаясь из стороны в сторону, прячась от нацеленных на него взглядов, устремился вон из бальной залы.

ГЛАВА 2

Не будь рядом с ним его служанки Жизели, присутствие которой действовало на него успокаивающе, одному Богу известно, что мог бы натворить Бехайм той ночью. Покинув залу, он бежал по тускло освещенному коридору, мимо ниш со старинными портретами, которые были окутаны саванами из пыли и теней, а гнев его все нарастал, в распаленном мозгу роились картины кровавой мести. Добравшись до своих апартаментов – трех просторных комнат с высокими потолками в западной части замка, он больше был готов к тому, чтобы столкнуться в схватке с госпожой Долорес, чем всю ночь мысленно возвращаться к постигшему его унижению. Но при виде Жизели в ночной сорочке, ее светло-каштановых волос, точеной фигурки, редкой красоты широкоскулого личика с надутыми губками – все в ней напоминало Золотистую, – его голод вновь проснулся, хотя он был утолен всего несколько дней назад, и Бехайм, без единого слова приветствия, опрокинул ее на кровать под балдахином, застеленную черным шелковым покрывалом, откинул с ее шеи волосы, закрывавшие вену, и яростно впился – неистово, отчаянно, давая выход жажде мести, представляя себе, что высасывает кровь из госпожи Долорес. Еще немного, и он совсем забылся бы в своем бешенстве, упился бы этой кровью, перейдя черту, но вот голод ослабел, и, еще не совсем изжив-

ший возбуждение, он отвалился от Жизели и медленно обвел взглядом комнату, пропитываясь похоронным настроением, создаваемым свечами, обитыми черным бархатом стульями, ветхими от древности гобеленами и высокими окнами с закрытыми чугунными ставнями. Под боком у него жалобно вздохнула Жизель, и, вдруг вспомнив, что это живое существо, а не просто источник пищи, он почувствовал раскаяние: вот, набросился на нее, как зверь. Он не только гордился своей терпимостью к смертным, тем, что позволял себе смотреть на них не просто как на быдло, но даже испытывал особую нежность к Жизели – странную смесь отцовских чувств, мужского влечения и романтической влюбленности, и сейчас понимал: только что он проявил к ней то самое презрение и равнодушие, которые так порицал в споре с госпожой Долорес.

Он перевернулся на бок и встретил взгляд ее светло-серых глаз, серьезно изучающих его. Она так и не проронила ни звука. По холмику ее правой груди растеклась кровь. Когда он прикоснулся, чтобы вытереть ее, Жизель задрожала.

– Я думала, это будет посвящением, – сказала она. – Ты все пил и пил, не давал мне пощады.

– Прости, я тебя напугал.

– Мне не было страшно.

Она провела пальцами по тому месту на груди, с которого он стер кровь, посмотрела, что осталось на кончиках пальцев.

– Почему ты медлишь с моим посвящением? Ведь ты знаешь, как я его жду.

– Боюсь тебя потерять.

– Может быть, наоборот, я останусь твоей навеки.

– А вдруг нет?

Она приподнялась, опершись на локоть.

– Ты уже знаешь? Я не пройду посвящение?

– Этого знать никому не дано. Просто вероятность всегда не очень высокая. Я сто раз говорил тебе об этом.

Она снова легла, устремив взгляд в балдахин.

– И пусть. Хочу попытать счастья. Будь я с кем-нибудь другим – с кем-то из де Чегов, к примеру, мне б не отказали.

– У де Чегов даже после успешного посвящения тебя, скорее всего, забили бы насмерть.

Она хотела возразить, но Бехайм, которого этот спор начинал раздражать, оборвал ее:

– Ты не представляешь себе, как опасен мир, в который тебе хочется попасть. Но если ты настаиваешь, если по-настоящему хочешь этого, – он сел и склонился над ней, уперев руку в подушку рядом с ее головой и накрыв ее своим телом, – я посвящу тебя сию же минуту.

Она удивленно вскинула брови, потом в ее глазах под мечтательной дымкой просквозило желание, и он уже подумал, что она сейчас примет его предложение, но она отвела взгляд и едва слышно прошептала:

– Я, оказывается, все-таки боюсь.

– Послушай, – с облегчением вздохнул он. – Посвящение ждет своего часа – тогда у нас, собственно, и не будет другого выбора. Так всегда бывает. Наступит миг, когда мы отдадимся ходу вещей, услышим зов, когда нам полностью станет ясно – это оно, и тогда мы оба многое поставим на карту: ты – свою жизнь, я – жизнь с тобой. Не исключено, что тем, кто не умеет дождаться этой всепоглощающей жажды посвятить и быть посвященным, суждена смерть, что эта жажда меняет химический состав нашего организма, так что нам открываются новые возможности. Мы так мало обо всем этом знаем. Но верь, этот миг обязательно настанет, и тогда я посвящу тебя – не потому, что ты меня уговорила, а из любви.

Она снова повернулась к нему:

– Ты ведь понимаешь, почему я так тороплюсь? Я хочу быть с тобой каждую ночь. Вечно. А жить так, не знать, что впереди...

– Доверься мне. И верь себе.

– Попробую.

Она обняла его за талию и приблизила губы к его губам, овеяв его лицо теплым дыханием.

– Скажи мне... – Она не договорила.

– Что?

Она покачала головой:

– Нет, ничего.

– Ну конечно, ничего.

– Я хотела спросить тебя о смерти.

– Не понимаю.

– Когда посвящали тебя, ты прошел через смерть, правда?

– Через смерть... – с отсутствующим видом повторил он, вспоминая. – Да, полагаю, это была она.

– Расскажи мне!

Он поднял взгляд на балдахин, нависавший над ними, подобно раздувшемуся черному брюху.

– То, что я знаю о смерти, тебя не утешит.

– Почему ты так говоришь? Ты ведь не...

– Ты надеешься услышать от меня, что смерть – еще не конец, что есть жизнь после нее, что ее побеждает какая-то абсолютная сила, что души взмывают из тьмы, чтобы с песнопениями парить в лучах света. Что ж, знай: за пределами этой жизни действительно существует нечто – только ты там не найдешь успокоения. Там тебя ждут кошмары почище, чем ужас простого умирания.

– Но что они собой представляют?

– Я дал клятву никому об этом не говорить.

– Ну пожалуйста! Я...

– Не могу! Может быть, однажды ты сама познаешь Тайны, но до тех пор ты должна принимать все, что я скажу, на веру.

Она опустила голову, прижавшись лбом к его груди, ее густые волосы покрыли его лицо, она шептала ласковые слова. Его опять кольнула совесть: он пользуется ею, как вещью, он лишил ее нормальной жизни, посеял в ней стремление к то-

му, чего она, возможно, никогда не достигнет.

– Ах, если бы ты поступила ко мне на службу по своей воле! Если бы ты без принуждения пошла на все тяготы и опасности, связанные с этой ролью!

– Я иду на них сейчас.

– Да, но в самом начале ты не знала о том, что тебе предстоит. Если б знала, мне, наверное, было бы легче примирить свою любовь с теми испытаниями, на которые я тебя обрек.

– Господин... – начала было она.

– Я не господин! Совсем не господин.

– Мне ты господин, – возразила она. – Теперь мне и не вспомнить женщину, что убегала от тебя в ту ночь по улицам Монпарнаса, но то была не я. Она ненавидела тебя, боялась. Но ее больше нет, а я, живая, обожаю тебя.

Эти слова обожгли Бехайма сильнее, чем ее мольбы, и он крепче прижал ее к себе, гладя ее волосы, спину, бедра. Помимо его воли она почти сразу откликнулась ласками, поднесла губы к его уху и прошептала:

– Мишель, я хочу сегодня быть с тобой!

Его желание разжег не столько ее пыл или готовность ее тела, сколько его собственное стремление побыть человеком, сохранить то человеческое, что еще оставалось в нем. И когда она разделась донага, когда его одежда была сброшена на пол, забытая страсть ожила в нем. Опершись на локти, глядя сверху на ее прелестное личико, безмятежное, ждущее, на совершенные груди с кружками цвета засохшей кро-

ви, он почувствовал необоримое мужское влечение, а погрузившись в нее, ощутив, как ее бедра со сладкой податливостью кренятся и вздымаются, он испытал еще и ту власть и полноту, что познает любовник в миг близости. Он вошел глубже, ее губы сложились в беззвучный слог, руки трепетали на его плечах. Все так знакомо, в этом – тысячи ночей человеческой любви, века сладострастия. Они раскачивались, сплетались на черном шелковом дне вожделения, и вдруг в нем заявило о себе иное чувство. Глаза его, до той минуты крепко закрытые от наслаждения, резко открылись, как у восставшего из мертвых. Потные груди, лихорадочные телодвижения вниз-вверх – в этот миг он увидел в ней существо грубого, низшего порядка, корчащееся в конвульсиях, взмокшую мышцу с девическими формами, в которую он воткнул горячий стержень, искусную в своих сокращениях, но тупую и более ни на что не годную. Он вперил в нее взгляд, стараясь пронзить ее так же осязаемо, как проник в нее физически. Ее веки, задрожав, поднялись, глаза расширились, обнажились зубы, – казалось, она сейчас закричит, ужаснувшись тому, что прочла в его лице. В беспокойном возбуждении она вздымалась волной, падала вниз молотильным цепом, как будто пытаясь сбросить его с себя, но лишь доведя его этим до полного экстаза. Левой рукой он стиснул ей горло, унимая ее, правой вцепился в ягодицы, ворочая ее о себя, как жернов. Страх не стерся с ее лица, он смешался с выражением какой-то изумленной кротости, словно

любовь и боязнь, как старые друзья, нередко соединялись в ее душе. Она часто и тяжело дышала, продолжала двигаться исступленно, но уже не так бешено, возвращаясь к действительности. Ее глаза затуманились изнеможением и ужасом, ноги сомкнулись вокруг его талии, ногтями она царапала ему спину, и наконец Бехайм, которого тоже захлестнул вал сложных чувств, правда далеких от кротости, испустил неистовый вопль – какой-то миг он ликовал от того, что еще раз отдался этому самому острому из наслаждений смертных. Вслед за тем он оцепенел, растекшись плавким сгустком восторга, и навис над ней, застыв клыками совсем рядом с голубоватой жилкой у нее на шее. Ему хотелось высосать ее содержимое в тот самый миг, когда Жизель глотала его соки, – два мощных желания с одинаковой силой тянули его в разные стороны.

Теперь оба дышали спокойнее, румянец сошел с ее лица. Бехайм вырвался из замка ее ног и откинулся навзничь, испытывая одновременно торжество и неловкость.

– Мишель...

Он пробормотал что-то невнятное.

– Ведь так это и будет, правда? Мое посвящение. Оно случится, когда мы будем любить друг друга?

– Возможно.

– Оно ведь сейчас было совсем близко, правда? – помолчав, спросила она.

– Не думаю.

Ему не хотелось поворачиваться к ней, он боялся не того, что увидит, но того, как увидит ее, не уверенный, какая из половин его души будет смотреть сквозь его глаза.

Жизель прижалась к нему, сплющив груди о его руку, липко склеив с его бедрами свои и на миг вызвав в нем отвращение.

– Как хорошо! – воскликнула она, и его поразила какая-то похотливая экзальтация в ее голосе. – Ты во мне, и я так близко к Тайнам, и все это в одно и то же время!

Он не знал, как к этому отнестись: с одной стороны, его напугало в ней такое отсутствие невинности, с другой, восхищало, что она так смогла постичь болезненную сладость жизни, оттенки гибельной игры ума и крови, что в ней пробудился восторг ценительницы чувственных утех. На миг он представил себя могущественным мужем, воплощением всяческой скверны, заключенным в черный сундук в чугунных оковах, а вслед за тем – доброй душой, отравленной нечистым поцелуем. Полный противоположных влечений и мыслей, уставший от метаний, сомнений и одолевших его злых духов, с одним лишь желанием – уснуть, он остановил взгляд на гобелене, которым была задрапирована дальняя стена. Оттуда смотрел дремучий лес с колоннами сучковатых кривых стволов, опутанных ползучей растительностью, – там притаились смутно проглядывавшие мертвенно-бледные чудовища и бежал олень, он оглядывался – не преследует ли его кто-то, спрятанный тенью. По грубой ткани как будто

пробежала рябь, гобелен заструился по стене, словно он не был соткан из нитей, но был составлен из тысяч насекомых, хитроумно сцепленных друг с другом, корчащихся так, что, казалось, движется сама комната – судно, медленно плывущее в безжалостную даль, а гобелен – это иллюминатор, открывающий вид на бурление темного, ничего не прощающего мира.

ГЛАВА 3

На следующий вечер Бехайму нанес визит Роланд Агенор. Когда старик уселся в кресло под окном, закрытым чугунными ставнями, Бехайм, с ужасом ждавший его прихода, пустился в путаные извинения и объяснения поступка, совершенного им прошлой ночью, на обдумывание которых у него ушло больше часа. Но он не успел полностью развернуть нить доводов, над которыми так усердно трудился, – Агенор взмахом руки заставил его умолкнуть и сказал:

– У нас неприятности.

Глаза его были налиты кровью, всегда невозмутимое лицо осунулось, глубже обозначились изрезавшие лоб морщины.

Он пригладил копну белых волос, откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу и бросил на Бехайма озабоченный взгляд.

– Мой юный друг, я совершил нечто, – произнес он, опустил глаза и некоторое время молчал, словно сломленный чьими-то обвинениями. Наконец он продолжил: – Нечто такое, что может дать тебе возможность завоевать огромное влияние, но подвергнет тебя не меньшей опасности.

Необычное возбуждение учителя смутило Бехайма. Вспомнив ночь их знакомства, свой ужас, когда выяснилось, кто Агенор на самом деле, вспомнив, как он наконец бросил попытки сопротивляться роковому укусу, а потом дол-

гие годы служил до посвящения и как ужас превратился затем в почтение и любовь, он иначе, свежим взглядом увидел нынешнее тяжелое положение Жизели и на миг смягчился к ней... и к самому себе.

– Я всегда доверялся вашему водительству, – попытался он подбодрить Агенора.

Тот уныло усмехнулся:

– Очень надеюсь, что ты и дальше сохранишь такое отношение ко мне.

Он подобрался, глубоко вдохнул и с силой выдохнул.

– Я только что разговаривал с Патриархом. Как я уже сказал, у нас неприятности, причем из тех, решать которые мы плохо приспособлены. Вернее, они не по плечу большинству из нас. А вот у тебя есть все качества, чтобы распутать дело, о чем я и доложил Патриарху. Он поручил расследование тебе.

– Что за расследование? – Бехайму стало интересно.

– Совершено убийство.

– Дьявол! Убили кого-то из Семьи?

– Золотистую.

Бехайм не верил своим ушам.

– Как такое могло случиться?

– На этот вопрос за всех нас должен ответить ты, мой милый юный друг. – Агенор встал, сделал шаг к окну и принялся рассматривать чугунную ставню как редкое произведение искусства. – У ее комнаты не было охраны. Кто бы мог пред-

ставить себе, что такое злодеяние возможно? Правда, с ней была компаньонка – старая служанка. Где она сейчас – неизвестно. Золотистую нашли два часа назад слуги Патриарха. Кровь высосана до последней капли, тело изувечено. – Он фыркнул (видимо, от омерзения, решил Бехайм). – Должно быть, преступники, кто бы это ни был, неплохо полакомились.

– Почему вы считаете, что их было несколько?

– Просто предполагаю. Крови с лихвой хватило бы на целую компанию. Особенно учитывая, сколь опьяняюще действует напиток такой выдержки.

– Не понимаю.

– Сцеживание, при всей помпе, которой оно окружено, совсем не то священнодействие, каким его изображают. В действительности эта церемония не слишком отличается от старомодной попойки – для немногих избранных. По крайней мере, так мне об этом рассказывали. С таким же успехом можно было бы набраться неразбавленным виски. Вырабатывающееся в крови вещество действует, как алкоголь. Послушать тех, кто участвовал в этом ритуале, – вас будут уверять, что достаточно пригубить напиток, и на тебя посыплются ярчайшие откровения, прямо как во время Озаряющего Жертвоприношения.

– Золотая кровь... она тоже дает ясновидение?

– Нет, нет! Единственное окно в будущее для нас – смерть в Озаряющем Жертвоприношении. А все эти небылицы про

Золотистую – лишь для того, чтобы оправдать эту оргию. Признаюсь, я в обряде никогда не участвовал, но, что там почем, знаю.

– Вы никогда не были на Сцеживании? – удивился Бехайм.

– Враги лишили меня этой чести своими интригами. – Агенор оторвался от созерцания окна. – Теперь же, – его голос дрогнул, и Бехайма поразило такое неприкрытое проявление чувств, – я больше не желаю принимать в нем участие. Дикий обычай, хоть вреда от него почти никакого. Достоинство этого сорта крови в том, что Золотистая всегда выдерживает посвящение и становится членом Семьи. Но то, что случилось на этот раз – высосать всю кровь, не знаю... – Он не закончил фразу, потом удрученно добавил: – Впрочем, уже ничего не поделаешь.

– Может быть, в Сцеживании больше смысла, чем вам представляется, – предположил Бехайм. – Не хотелось бы вас обидеть, но поскольку вы не испытали его эффекта на себе, возможно...

– Видел я их, вкусивших от Золотистой, – перебил его Агенор. – Поверь, никаких чудес не было. Зато мне довелось быть свидетелем не одного Озаряющего Жертвоприношения, и, несмотря на то, что ритуалу подвергаются осужденные за преступления против Семьи, есть что-то величественное в этом действе. Там жизнь отдается за то, чтобы узнать наше будущее. Я верю, что приговоренные понимают

это, что они получают некую высшую радость, когда их приносят в жертву.

Когда Агенор произносил эти слова, его лицо приняло выражение нездешнего блаженства, как будто он самого себя видел святой жертвой. Бехайму снова стало не по себе – старик вел себя очень странно. Он решил не обращать на это внимания и сосредоточиться на неотложном. Он присел на край кровати, положил ладони плашмя на колени и стал рассматривать узор на кусочке ковра у себя между ботинками.

– Что скажешь? – обратился к нему Агенор.

– Пытаюсь понять, зачем кому-то понадобилось пойти на такое опасное преступление.

– Тебе ли спрашивать, чем манит Золотистая?

Бехайм пропустил мимо ушей намек на его давешнюю несдержанность.

– Не поверю, чтоб кто-нибудь решился на такое, только чтобы попробовать ее крови.

– Думаю, ты переоцениваешь некоторых представителей нашего племени. Например, де Чегов.

– Сомнительно, чтобы даже де Чеги были способны совершить преступление со столь незамысловатым мотивом. Заявить о себе, в знак протеста – пожалуй. Но не просто чтобы откушать крови.

– Ну, не буду спорить. В конце концов, тебе разгадывать эту загадку.

Старик прошел через комнату к кровати, положил руку

на плечо Бехайму.

– И принимайся за дело не мешкая. Патриарх не сможет долго удерживать тут всех.

Бехайм кивнул, но восторга но поводу поручения он не испытывал: преступление, конечно, весьма интересное, но привлекательность задачи меркла перед ее сложностью.

– Возможно, мне не стоило предлагать тебя, – сказал Агенор.

– Нет, нет, – поспешил возразить Бехайм. – Я...

Агенор остановил его, подняв руку.

– Я не должен был предлагать тебя, ради нашей дружбы. Может оказаться, что я принес тебя в жертву, ибо ты подвергнешься страшной опасности, и хотя за тобой Патриарх, многие с огромным негодованием отнесутся к твоему расследованию. А если тебе удастся разоблачить преступников, они, разумеется, будут стоять насмерть, лишь бы их не обрекли на Озаряющее Жертвоприношение. Но речь идет не только о дружбе, ставки в этой игре очень высоки.

Он сделал несколько шагов к середине комнаты и остановился, сцепив руки за спиной и глядя в сторону.

– В случае успеха ты заручишься огромным влиянием на Патриарха и тех, к кому он прислушивается. Я о таком мог бы только мечтать. Может быть, это станет событием, которое склонит общественное мнение на нашу сторону, добавит недостающий голос к хору здравого смысла, и мы сможем направлять действия Семьи, к вящему ее благоденствию и

укреплению могущества. Итак, – он развернулся на каблуках, – что сделано, то сделано. Но позволь мне заверить тебя, друг мой, – ты не один. Твое падение будет и моим падением. Я не стал бы рисковать твоим бессмертием, не разделив опасность с тобой.

Отдавая теперь себе отчет во всех страшных ловушках, подстерегающих его в этом деле, Бехайм почувствовал себя опутанным по рукам и ногам, его охватила слабость.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – сказал он, но сам услышал всю фальшь своих слов и добавил дрожащим голосом: – С трудом представляю себе, с чего начинать.

Он встал и потер пальцем щеку.

– Подозреваемых – тьма, всех за пару дней не допросишь.

– Ну, их круг можно сузить, – сказал Агенор. – Во-первых, сегодня вечером я заключил некий союз, – думаю, совсем скоро это окажется нам полезным. Кроме того, я позволил себе отправить слуг к каждому члену Семьи и поручил им поставлять тебе сведения об их передвижениях. Некоторые, вероятно, откажутся отвечать из высокомерия, другие скорее солгут, чем согласятся скомпрометировать близких. Но при всем нашем могуществе мы существа весьма предсказуемые, и я верю, что кое-кто из моих родственников удивит меня своей откровенностью. Большинство подозреваемых мы сможем исключить одним махом.

– Даже если нам это удастся, даже если под подозрением у нас останется, скажем, всего десять человек, найти среди них

виновного – непосильный труд. В лучшем случае мы можем надеяться обнаружить улики на теле или рядом с ним.

– Тогда идем немедля на место преступления.

– Мой господин, при всем моем уважении и притом, что я весьма высоко ценю ваше содействие и, несомненно, буду обращаться к вам за помощью в ходе расследования, я предпочел бы, чтобы во время работы никто не заглядывал мне через плечо. Тогда я сумею лучше сосредоточиться.

Агенор наклонил голову.

– Ну что ж. Но я настаиваю – держи меня в курсе... ради твоей и моей безопасности.

– Постараюсь...

– Нет, Мишель, ты будешь мне обо всем сообщать! Это приказ.

Хотя в голосе старика прозвучала лишь строгость, Бехайм мог бы поклясться, что в его глазах мелькнуло отчаяние и чуть ли не мольба, и это вконец смутило его – никогда еще Агенор так не давал волю чувствам, даже когда нападали на него лично.

– Если вы недоговорили, – сказал Бехайм, – теперь я вправе попросить вас выложить все.

Аристократическое лицо Агенора напряглось от гнева – но лишь на миг, вслед за тем кожа на его черепе обвисла, свидетельствуя о долгих годах его неестественной жизни. Ввалившимися глазами он уставился на Бехайма, словно не понимая, чего от него хотят. Наконец он повторил:

– Я совершил нечто.

Бехайм ждал продолжения, но его не последовало.

– Ну же! Вы совершили нечто, и...

Голова Агенора дернулась, он моргнул, глядя на Бехайма, как будто только сейчас осознал, что тот рядом.

– Союз, о котором я упомянул... Я посчитал его необходимым, чтобы дать тебе некоторое преимущество, но у меня нет уверенности – поможет он тебе в конечном счете или помешает. – Он устало вздохнул. – Время покажет.

– И что же это за союз?

– Мне не хотелось бы говорить об этом сейчас.

Бехайм знал – настаивать бесполезно.

– Прошу предоставить в мое распоряжение нескольких слуг, – сказал он немного погодя. – Разумеется, мне будет помогать Жизель, но, принимая во внимание масштабы расследования, понадобится дополнительное содействие.

– Как тебе будет угодно.

Бехайм встал, все еще ощущая некоторую слабость в коленях, но уже чувствуя, как возвращается знакомое по парижской жизни предвкушение охоты.

– Помни о том, что поставлено на карту, – сказал Агенор. – Что бы ты ни узнал, какими бы высокими связями ни обладали виновные, ты должен неколебимо сохранять свою решимость довести истину до сведения Патриарха.

– Я сделаю все, чтобы не обмануть ваших ожиданий.

– Моих ожиданий ты обмануть не можешь, – сказал Аге-

нор, обеими руками стиснув правую руку Бехайма и испытующе вглядываясь ему в лицо. – Они уже обмануты. Я больше не наперсник Патриарха. Я для него – старый дурак, писака, Кассандра, несущая бред о будущем. Но ты, Мишель, сможешь с лихвой компенсировать мои неудачи. В твоих силах возжечь победу из пепла моего поражения. Не обманись сам. Вот мое тебе наставление.

ГЛАВА 4

Нагое тело несчастной Золотистой лежало на вершине восточной башни замка Банат. Опущенные веки примерзли к глазам девушки, почерневшие камни рядом с ней были покрыты потрескавшейся красной глазурью. Агенор сказал «изувечена», но Бехайм не ожидал увидеть ран, нанесенных с таким зверством. На шее сбоку была рваная дыра такой величины, что в нее вошел бы кулак, такая же рана зияла на животе. Раны меньших размеров, но не менее страшные покрывали ее лицо, груди и бедра. Тело сковало морозом, но Бехайм заметил уже появившийся мертвенно-бледный оттенок и признаки окоченения – это означало, что убийство, видимо, было совершено в предутренние часы прошлой ночи – тогда было довольно тепло, и началось разложение. И все же его удивило, что процесс не зашел дальше. Очевидно, днем было кратковременное похолодание, замедлившее его, решил он. Но даже если и так, это не объясняет столь малую степень распада. Может быть, перед самым рассветом ненадолго потеплело, а потом, при первых лучах солнца, подморозило. Версия вполне вероятная, хотя вряд ли ее докажешь, ведь, скорее всего, никто из слуг не отважился выбраться наружу днем, так как все они в это время ни на шаг не отходили от своих хозяев, охраняя их от предательства.

Восковые кисти рук девушки скрючились клешнями, от-

крытый рот застыл в немом крике. Ни следа не осталось от ее свежести и красоты, лишь блеск белокурых волос и едва уловимый, мучительный запах крови, поднимавшийся от пятен, покрывавших камни башни. Тот, кто это сделал, должен был просто выкупаться в крови, подумал Бехайм. Несмотря на предположение Агенора об участии в преступлении нескольких лиц, Бехайм считал, что убийца действовал в одиночку. Для столь необузданного насилия требовалось уединение, как при половом акте, тут просматривалось злодеяние, совершенное с крайней скрытностью. Ему ни разу не встречались убийцы, действовавшие в сговоре, которые до такой степени потеряли бы контроль над собой, – они устыдились бы сообщников.

Закрыв глаза, он напряг все способности ума, позволившего ему, среди прочего, стремительно взлететь по служебной лестнице в парижской полиции, и слился с минувшим, впитывая все намеки, мельчайшие улики и свойства атмосферы, дабы войти в шкуру убийцы, в состояние его сознания и увидеть, как он убивал, вернуться к моменту преступления на этой башне, такой, какой она была прошлым утром. На востоке, над насыпными холмами, окружавшими замок, нависла распухшая желтая луна. Она освещает непроходимую чащобу, приземистые дубы с карликовыми ветвями, наполняя овраги глубокими озерами тени. Тишина, ветер. Со скрипом открывается дверь, ведущая на площадку башни, появляется темный мужской силуэт – а может быть, не муж-

ской? На миг Бехайму как будто открылось, что такая жажда, как у этого убийцы, могла пробудиться только в мужчине, эдакое мускулистое безумие. Но нет, мелькнуло что-то еще, какая-то утонченность движений, колебания, и его подозрения метнулись в другую сторону. Все же условно, для построения гипотезы, он решил считать убийцу мужчиной. Высоким. Высокий мужчина выводит девушку на башню. Зябко. Ее светлые волосы чуть треплет ветерок. Тонкая ночная сорочка облепила груди, живот, длинные бедра. Лицо ее неподвижно, она ступает, как лунатик. Послушная силе взгляда, который вперил в нее вампир, она не чувствует холода. Убийца поворачивает девушку лицом к себе, наклоняется к ее шее и впивается. Она роняет голову набок, из-под ее полуопущенных век видны полумесяцы белков. Проходит немало времени, прежде чем вампир отрывается от нее, с его губ падают темно-красные капли, одной рукой он поддерживает девушку. Вкус крови вскружил ему голову. Никогда еще не было в его жизни такого сводящего с ума аромата, никогда не возгорался он таким исступленным восторгом. Ему не остановиться, он припадает к ней снова, и скоро упоение перерастает в свирепую звериную жажду, пир первобытного существа. Как будто в его сознании отверзлась дыра – скважина, из которой хлынул поток диких, низких желаний. И вот он уже не пьет – он рвет нежную плоть клыками, продираясь к источнику жгучего наслаждения, истребляющего остатки его здравого смысла, пожирающего его душу, и те-

перь ему хочется лишь одного – вгрызаться, терзать, раздирать ее, пока не доберется до самой артерии, чтобы прижаться к ней губами и высосать ее содержимое, такое прелестное. Девушка падает, он покрывает ее собой – черный, сгорбившийся, пиявкой прилипший к ее бьющемуся в судорогах телу. Потом он вспарывает ей живот, щеку, кромсает уже без всякой цели, не разбирая частей тела, сдирая оболочки тканей, прячущие под собой красный жидкий наркотик. Потом...

Что-то не так.

Его мысли разлетаются от вспышки ужаса. Он поднимает глаза к небу. Луна горит, пылает, на миг это пламенеющее уродливое пятно как будто кажется ограненным, потом колышется волнами, как сквозь знойное марево. Небо приобрело ядовитый оттенок, все вокруг словно раскалила докрасна какая-то неземная сила. Так действует на зрение ее кровь, решает он. Это все кровь, опьянение. Или что-то еще? Может быть, не кровь, а что-то другое? Никак не вспомнить. И тут он видит, что сделал с девушкой.

Отвращение борется с гордостью: какой он сильный, беспощадный, властный! У него кружится голова. Но это не то веселое головокружение, что он испытал минуту назад, нет, теперь это мутный гадкий дурман. Все вокруг стало необыкновенно ярким. Кровь искрится, как лава, быстро струящаяся по камню, от ее капель, луж, из щелей между каменными плитами паром поднимается свет. На него накатывает вол-

на тошноты, он, шатаясь, поднимается. Что-то не то он сделал, и все, что чувствует и видит, – все не то. Так много света, свет взрывается у него в черепе, вытекает из его глаз, из ран девушки, из разодранного мяса ее грудей, кровавый свет стрелами взмывает вверх, чтобы покрыть его виной, заразить на всю жизнь. К горлу поднимается горячая жидкость, его рвет красным, выворачивает наизнанку. В голове причудливый звон, душераздирающий скрежет ногтей по стеклу. Он пытается заткнуть уши, но какофонию эту никак не заглушить. С его подбородка капает покрасневшая желчь, сердце бешено колотится. Двигаясь наугад, в объятиях непостижимого страха, он скрывается в темноте замка...

Придя в себя, Бехайм обнаружил, что крепко вжался в стену башни и смотрит вдаль, на Карпатские горы, над которыми, к его немалому удивлению, висела небольшая серебристая луна, так не похожая на чудовищный раздутый желтый шар, который ему привиделся. Ему почудилось, что кто-то стоит за спиной, но, круто развернувшись, он увидел лишь тело Золотистой, – правда, ощущение чьего-то присутствия не исчезло. Он прислушался к этому чувству в надежде вычленить его составляющие, уверенный, что напал на ментальный след, оставленный убийцей, столь же осязаемый, как пятно крови или отпечаток ботинка. Но след быстро улетучился, и больше Бехайму ничего не удалось узнать. Он попробовал собрать воедино все впечатления об убийце и составить его портрет, но его умственному взору яви-

лась лишь фигура, лишенная индивидуальности, как силуэт, вырезанный из черной бумаги. Вероятно, это мужчина. Самонадеянный, но не начисто бессовестный. Упился кровью Золотистой до галлюцинаций. В безумном порыве совершил убийство, потом устыдился до тошноты и убежал. И это все.

Бехайм опустился на колени – осмотреть тело. Нашлась единственная улика – обрывок черной нитки, застрявший под сломанным ногтем. Но это ни о чем не говорит. Кто из съехавшихся мужчин не одет в черное? Собравшись с силами, Бехайм чуть подвинул тело. Плоть примерзла к камню, и, когда он стал отрывать ее, раздался жуткий хлюпающий звук. Под телом не нашлось ничего, заслуживающего внимания. Снова кровь, клочки изодранной сорочки. Он изучил их, но без микроскопа трудно было что-либо определить. Чувствуя себя беспомощным, загнанным в тупик, он встал и принялся осторожно обследовать каменные плиты, залитые лунным светом. Тщательно осмотрев освещенную часть башенной площадки, он опустился на четвереньки и обыскал темные участки вдоль стены, проверяя щели ногтями. Он уже исследовал почти половину всей площади, когда наткнулся на осколок стекла. Рядом валялось еще несколько стекляшек, в том числе горлышко небольшого флакона с закрученной серебряной пробкой. Рассмотрев его вблизи, он установил, что флакон очень старый, возможно, антикварная вещь, а судя по размеру, его содержимым, видимо, были духи. На пробке была затейливо выгравирована заглавная бук-

ва, правда почти полностью стертая временем – уцелели одни завитушки, что это за буква, понять было нельзя. Вероятно, «U» или «N». Может быть, «V». Повертев пробку, он сунул ее в карман и продолжил поиски. Но больше ничего найти не удалось.

Три улики. Пробка от флакона, кровь – где-то в замке должен быть спрятан забрызганный ею вечерний костюм – да тот факт, что убивал мужчина. Оттолкнуться в расследовании почти не от чего. Бехайм понимал, что ему остается полагаться на везение и еще на упорный, неустанный труд, львиную долю которого нужно будет поручить слугам Семьи. Он немедленно отправит их на поиски окровавленной одежды и владельца пробки, выяснит, чем закончились попытки Агенора установить, где находился каждый из членов Семьи ранним утром.

Но что делать ему самому?

Что-то не давало ему покоя в воссозданной им картине преступления, особенно в галлюцинации. Вид луны. Начав размышлять об этом, он вспомнил, что прошлым утром луна была почти такой же, как сегодня вечером: маленькой, серебристой, она едва пошла на убыль. Но убийца увидел ее раздувшейся, гигантской. Может быть, у него неважно со зрением? А может быть, он был пьян уже до того, как вкусил крови Золотистой, что и вызвало у него обман зрения.

Наверное, стоит рассмотреть обе версии, решил он.

Он извлек из кармана серебряный колпачок от флакона.

Вряд ли он был у девушки – на ее сорочке нет карманов. Но зачем убийце понадобился флакон духов? Бехайм понюхал пробку. Она хранила какой-то запах, но не духов. Что-то резкое, кислое. Лекарство? Яд, с помощью которого преступник избавился от компаньонки Золотистой? Но к чему ему яд, когда он, вампир, и без того обладает способностью подчинять смертных своей воле? И где же компаньонка? Скорее всего, ее скрюченное тело, выброшенное из высокого окна, застряло в какой-нибудь расщелине под стенами замка. Нужно будет послать еще слуг обыскать склоны холмов. Вокруг полно обрывистых оврагов и лощин, и тело могло упасть на некотором расстоянии от стен. Да, флакон. Что все-таки в нем было? Бехайм потер краем ладони следы выгравированной буквы, все более склоняясь к мысли, что ответ на этот вопрос прояснит остальное. Конечно, флакон может не иметь никакого отношения к убийству, не исключено, что он валялся тут и раньше, до появления убийцы с Золотистой, – правда, очевидно, недолго, так как в противном случае успел бы выветриться запах. Но в это Бехайм не верил. Серебряный колпачок, казалось, до сих пор слегка вибрировал, подрагивал от злодейства, совершенного на башне.

Бехайм бросил взгляд вниз, на тело. До этого мгновения он не задумывался о личной трагедии Золотистой, это преступление было для него лишь попранием чести и традиции. Но сейчас он вспомнил, как красива она была, как грациоз-

на. Что думала она об окружающих ее страстях, что за женщина это была? Знала ли, как проходит ритуал? Жаждала ли бессмертия? Она была так близка к нему. Почти стала королевой, едва не обрела вечную жизнь. Его мысли обратились к Жизели – она так же прекрасна, ею движут те же стремления. Детство, проведенное в Керси, утонченное воспитание, дебют в Париже. Все это плохо подготовило ее к той жизни, которую она ведет теперь. Как ей, должно быть, страшно жить среди этих щеголеватых мрачных господ и дам, этих убийц с горящими глазами, чья кровь полна видений и странных прихотей и чьи мысли ссохлись в их головах черными паукообразными звездами. Как, должно быть, глубоко пустил в ней корни страх! Страх, готовый мгновенно превратиться в любовь, как подземная река, вдруг вырывающаяся на поверхность. Он подумал о том, какая судьба ее ждет: умереть от его руки или обрести бессмертие. Что он почувствует, если случится первое – более вероятное? Конечно, он будет безутешен, без ума от горя, будет плакать. И в то же время он знал, что найдет способ не только посмотреть на ее смерть сквозь успокаивающую призму, но и возрадоваться ей, и ему стало тошно от этого – от этой способности оправдать любой кошмар во имя темных тайн и мистических страстей. Агенор прав: Семье пора меняться, и не только из благоразумия, соображений безопасности и выживания. И если, уличив убийцу, он, Бехайм, приблизит такие изменения, это во многом искупит зло, которое он причинил Жизели.

Он на шаг отступил от тела и посмотрел вдаль, на выветренные за века холмы, но перед глазами у него все стоял образ распростертой на каменном полу Золотистой, кисти ее рук, скрюченные, как клешни, образ безличный, словно золотой корень, который врос в его сознание, растаял, как кусочек желтого масла, растекся по темному веществу его мозга и придал ему решимости. Хотя задание казалось невыполнимым, он твердо вознамерился выудить преступника из его норы. В конце концов, это только убийство, и не важно, что совершил его не обычный человек. В Париже ему доводилось раскрывать и не такие головоломные злодеяния. Исполненный желания довести дело до конца, он повернулся к двери, но стоило ему покинуть площадку башни и снова оказаться в темноте замка, как от его уверенности и следа не осталось, а на смену ей пришел необъяснимый страх – что за его спиной привычная серебристая луна исчезла, а на ее месте, как раковая опухоль, висит в небе безобразная раздувшаяся сфера блекло-желтого цвета – символ безумия, нечистой лихорадки, пожара, вспыхнувшего в крови, еще не познанных тайн и ужасов, леденящие кровь подробности которых он не мог себе даже отдаленно представить.

ГЛАВА 5

Внутреннее устройство замка Банат проектировалось не из практических соображений защиты от врагов или удобства для проживания, оно было порождением эксцентричных архитектурных фантазий итальянского художника, жившего шестьсот лет тому назад, – одного из сонма любовников и любовниц Патриарха, и безумная чудовищность пространств крепости отражала размах и трудность задачи, поставленной перед Бехаймом. Громадные палаты, сами размером с целый замок, были соединены между собой мостами – иногда подъемными, – упирающимися в стены без дверей. Лестницы шириной в три десятка метров внезапно обрывались, зависая в воздухе. Некоторые комнаты вели в пропасть, в мрачных глубинах которой смутно виднелись еще более причудливые сооружения. В самых неожиданных местах вдруг вырастали башни с окнами, они тянулись к едва различимым сводчатым крышам. Тут и там располагались гигантские колеса, какими поднимают и опускают решетки крепостных ворот, правда, большинство из них никак не использовалось. В любом месте, подняв голову, в свете фонарей из кованого железа, висевших повсюду, можно было увидеть, казалось, бесконечные перспективы арок и лестничных маршей (с которых, подобно вьющимся стеблям, спускались массивные петли цепей, блоки и канаты, по видимо-

му не имевшие никакого применения), высокие каменные галереи, украшенные барельефами из нимф и бородатых лиц – из их ртов свисали огромные чугунные кольца. На одном из уровней замка от берега – толстого стального листа, прикрепленного болтами, – простиралось вдаль черное озеро, со дна которого выходили на водную поверхность своими головами в обрамлении жабо и когтистыми лапами жуткие статуи. В щелях и на уступах гнездились никогда не видевшие солнечного света голуби, они взмывали ввысь, а внизу все было покрыто их пометом. Кроме скульптурных горгулий и драконов, стороживших ничем не нарушаемую пустоту мостов, была тут и другая живность: крысы, сороконожки, змеи, а главное, люди-выродки, которые когда-то служили Патриарху, но не пожелали подвергнуться опасностям кровавого посвящения и теперь, все еще не в силах уйти и тем самым расстаться с возможностью когда-либо обрести вечную жизнь, ютились, подобно грызунам, на задворках замка, удирая при виде любой тени, живя кражами мусора, передвигаясь, по слухам, тайными ходами, позволявшими им проникать в святая святых замка, и совершая зверские обряды, грубо пародировавшие ритуалы Семьи.

Из-за огромных размеров замка в нем сформировался собственный климат. В вышине собирались облака, время от времени проливался дождь. Человек, стоявший на каком-нибудь мосту, снизу казался точкой. Эта громада с ее причудливой планировкой и орнаментом наводила на мысль о

грандиозной мистификации, выдумке безумного архитектора. И в самом деле, некоторые внутренние постройки были выполнены в виде руин: осыпающиеся каменные колонны, из трещин в которых росли папоротники; разбитые фонтаны в форме грифоньих голов, исполинских младенцев и сотен других существ, вода из которых падала в пруды, сточные канавы или просто расщелины в полу; винтовая лестница с дырчатыми перилами; безликие статуи и железные балки, выступающие из стены с проемами. Везде чувствовалось холодное, давящее присутствие Патриарха. Казалось, это огромный череп, сооруженный им из серо-черного камня, в который он поместил безрадостные составляющие своего существа. Бехайма угнетало обилие барочных изысков, но он не мог не восхищаться величием замысла, лежавшего в их основе.

Но когда стало очевидно, что расследование пока продвигается туго, на смену его восхищению пришла глубокая подавленность, ему хотелось сровнять с землей это чудовищное сооружение, разнести его на отдельные камни, потому что только так, думал он, лишь уничтожив всю эту массу внешних, несущественных подробностей и тупиков, символом которых оно служило, можно надеяться когда-либо раскопать ту единственно важную улику, которая ведет к разгадке. Все до одного члены Семьи смогли дать отчет, где они находились в момент убийства, и, хотя некоторые из них явно лгали, уличить их за время, отведенное на расследова-

ние, не представлялось возможным. Не было найдено никакой окровавленной одежды, никаких признаков глазной болезни у кого-либо из гостей. Почти вся ночь прошла даром, и он уже пришел было к выводу, что выхода из этого положения нет, когда в его спальню ворвалась госпожа Александра Конфорти, пожалуй самая влиятельная дама из рода Валеа, сопровождаемая запыхавшейся и взволнованной Жизелью.

– Эта ваша тварь, – холодно произнесла госпожа Александра, тряхнув длинными золотисто-каштановыми волосами в сторону Жизели, – имела наглость проникнуть в мои покои.

Жизель вспыхнула, скулы ее заострились, но она промолчала.

– Приношу извинения за возможные неудобства, но вам, очевидно, известно о сложившихся чрезвычайных обстоятельствах, – ответил Бехайм, направляясь навстречу госпоже Александре. – И я был бы благодарен, если бы вы называли мою служанку по ее положению или по имени – ее зовут Жизель.

Госпожа Александра пропустила его слова мимо ушей. Она глядела в сторону, и он хорошо рассмотрел ее изящную шею и великолепный профиль. Это была женщина столь необычного телосложения, что ее нельзя было назвать красивой в общепринятом смысле этого слова. Правда, из уст поклонников часто можно было услышать, что она «стройная», но, когда Бехайм увидел ее впервые, этот эпитет при-

обрел для него новое, необычное значение – она была до странности высокого, почти двухметрового роста. У нее были непомерно длинные руки и особенно ноги. Привлекательность ее сердцевидного лица, с фарфоровой кожей и блестящими, широко поставленными зелеными глазами, бровями дугой и полными темно-красными губами, была почти карикатурной. И тем не менее благодаря осмотрительной грации, присущей каждому ее движению и превращавшей даже самый прозаический жест в балетное па – вероятно, так она пыталась компенсировать страх выглядеть неуклюжей из-за своего диковинного роста – и вследствие женской уверенности в себе, исходившей от нее, подобно поднимающемуся пару, она все же выглядела первой красавицей. Жизель, очевидно, застала ее за туалетом, и Александра лишь накинула на себя шитую золотом ночную рубашку голубого шелка, сидевшую на ней так свободно, что Бехайм успел увидеть под ней веснушчатые покатости ее грудей, снизу закрываемых чашами белого кружева. Но он кое-что знал о Валеа, и в частности, о самой Александре, не раз кокетничавшей с ним, и понимал, что, как бы ни была она разгневана, она никогда не явилась бы к нему в таком наряде. Значит, хочет произвести впечатление и, может быть, не так уж и злится. Что же ей от него нужно?

– Я оскорблена тем, что вы посылаете какую-то тварь допрашивать меня, – сказала госпожа Александра, повернувшись к нему спиной. – Пусть выйдет вон.

Бехайм взглянул на Жизель, безмолвно извиняясь и вместе с тем прося ее выполнить прихоть гостьи. Когда служанка вышла, он вплотную, к самому плечу, приблизился к Александре, и она не отодвинулась. Он спросил, чем может быть ей полезен.

Не оборачиваясь, она вяло подняла правую руку и показала на старинную серебряную пробку от флакона, найденную им на башне.

– Думаю, это я могу вам помочь.

– А! – Бехайм тронул пробку указательным пальцем. – Тогда, может быть, скажете, чье это?

Ее длинные пальцы сомкнулись вокруг колпачка, и он представил себе лепестки плотоядного цветка, окутывающие жертву. Она отошла и бросила на него взгляд через плечо.

– Возможно.

– Госпожа, Патриарх поручил мне поймать убийцу, и, боюсь, в поисках сведений мне придется пожертвовать правилами приличия. У меня нет времени жеманничать. Если у вас есть что сказать мне, говорите. В противном случае я...

– В противном случае вы ничего не сделаете. – Она отступила еще на несколько шагов, вперив взгляд в ковер и тщательно ставя ноги, как будто шла по следам. – Вы не знаете, где искать дальше. Все, что у вас сейчас есть, – это надежда, что вам помогу я. Без моей помощи вы так и будете сидеть здесь и размышлять над своей несостоятельностью. Знаете почему?

– Уверен, вам не терпится меня просветить.

– Не нужно говорить таким тоном. – Она наконец повернулась к нему лицом. – У вас нет надо мной власти, вы можете лишь задавать вопросы, на которые я могу отвечать или не отвечать. Вы, несомненно, красавец, а это, конечно, дает некоторые преимущества. Но моя власть над вами безгранична. И спорить тут бесполезно.

– Так считаете вы.

– Да, я так считаю.

Она снова медленно двинулась к нему, задела его рукав, и по коже его руки как будто пробежало электричество.

Бехайму вдруг захотелось схватить ее за руку, но он сдержался, – положим, что он будет с ней делать? Драться? Или попытается поцеловать? Как и все женщины Семьи, своими чарами она могла довести мужчину до безумия. Хотя она не отвечала его идеальному образу женской красоты, он не стал бы отрицать ее привлекательности. Правда, было в ее очаровании что-то извращенное, обещающее наслаждения, от которых бросает в дрожь. Так притягивать могла бы змея с грудями. Если бы он когда-нибудь лег с ней в постель, их руки и ноги сплелись бы так, как не снилось никому из совокупляющихся смертных, – в гордиев узел живых белых веревок, вздымающийся спутанным клубком корчащихся червей.

– Патриарх доверил вам расследовать это убийство не потому, что вы такой мастер раскрывать преступления, – продолжала она. – Он не столь прост. Даже вам, наверное, яс-

но, что, учитывая срок, отведенный на решение этой задачи, и характер подозреваемых, особо надеяться на успех вам не приходится. Патриарх это тоже понимает. Но он также знает, что из вас выйдет чудесная пешка – слабенькая такая, ведь вы – новичок. Сознает он, и какая превосходная игра может получиться из вашего расследования. Ему ли не знать, как мы обожаем строить всякие козни, как воспламеняемся страстями. И то, что многие из нас не смогут устоять перед соблазном использовать игру в своих целях, ему тоже понятно. Корысти ради, для мести кому-либо или по какому-то менее отчетливому поводу – это для плана Патриарха не имеет значения. Он верит, что, приняв участие в этой игре, мы – мы! – найдем преступника. Или случайно натолкнем вас на путь, ведущий к раскрытию злодеяния.

Нарисованная ею картина расходилась с тем, как видел положение дел Агенор, но Бехайму она показалась правдоподобной, и он выслушал ее почти без раздражения. Может быть, госпожа Александра вмешалась именно благодаря таинственному союзу, о котором говорил Агенор?

– Итак, – сказал Бехайм, – вы пришли сделать первый ход.

В ответ она пожала плечами, отдавая должное его реплике, прошлась по комнате и остановилась у гобелена, будто бы увлекшись изображениями на нем. Потом прислонилась к нему и уставилась на Бехайма. Смотреть на него ей явно доставляло удовольствие. Ее белое лицо и рыжеватые волосы резко выделялись на фоне темного, зловещего дремуче-

го леса, словно это недавно подкрасили одного из его таинственных обитателей, прячущихся среди ветвей. Большим и указательным пальцами она держала пробку от флакона.

– Это принадлежит одному из моих кузенов. – Она помолчала, чтобы усилить впечатление – во всяком случае, так показалось Бехайму. – Фелипе Аруцци де Валеа.

Названное ею имя не оставило его равнодушным. Фелипе Аруцци де Валеа, патриарх рода Валеа, соратник и союзник Роланда Агенора, светило в науке о крови, считался в разгоревшейся дискуссии умеренным. Но недавно он стал любовником госпожи Долорес Каскарин-и-Рибера. Ходили слухи, что госпожа Александра более не была на стороне Фелипе, что она объединилась с госпожой Долорес и прочими реакционерами против Агенора и его друзей и добивается свержения Фелипе, возглавляющего ветвь Валеа. Вряд ли Александра перешла в стан реакционеров, размышлял Бехайм, скорее всего, она лишь делает вид, стараясь укрепить собственную власть и добиться каких-то своих целей – будь то смещение Фелипе или что-то другое. Он не сомневался в истинности ее слов о владельце пробки от флакона: если бы она солгала, это было нетрудно проверить. Но, подумав обо всех хитросплетениях этого дела, о различных плетущихся интригах, которые могут иметь большое значение как для клана Валеа, так и для Семьи в целом, он по-новому, глубже представил себе обстановку, создавшуюся вокруг убийства, и, словно воспарив ввысь, ясно, в мельчайших дета-

лях увидел лабиринт зреющих тайных происков. Что, если Александра пытается погубить Фелипе лжесвидетельством? А убийство совершено ею или кем-то из ее любовников? А может быть, Золотистую действительно убил Фелипе? Или это очередной ложный след, пустая трата драгоценного времени? В своих показаниях, рассказывая о том, где они находились в момент убийства, Фелипе и Долорес сослались друг на друга. Не может ли это означать, что они были на башне вместе? Или их связь вписывается в более широкий тайный замысел, и с ее помощью госпожа Долорес хочет обезвредить могущественного противника? А может быть, сам Агенор ведет какую-то игру? Бехайм все больше начинал различать во всем этом темном деле искусную руку Агенора и приходил к мысли, что допросы подозреваемых бесполезны. То, что он узнал, кому принадлежала пробка от флакона, проливает не больше света на черную тайну убийства, чем рыжие волосы госпожи Александры – на мрачные картины гобелена, у которого она сейчас стоит. Да, это только начало. Но, дав ему единственный ответ, она лишь умножила вопросы. Таким образом, он, в сущности, только оказался в еще более затруднительном положении.

Он взглянул на госпожу Александру. Она широко улыбалась.

– Теперь понимаете? – После этих слов она певуче рассмеялась – точно кто-то пробежал пальцами по клавишам пианино, безупречно сыграв гамму. – Вам остается лишь от-

даться тем силам, что будут двигать вас с клетки на клетку, и надеяться, что лабиринт наших страстей выведет вас к победному концу.

Она неторопливо, грациозно подошла к нему, словно плывя по реке, струящей прозрачную воду. Жутковато-строгое выражение ее белого лица казалось искусственным и вместе с тем излучало жизненную силу, как будто это лицо было нарисовано на цветке, который вдруг ожил.

– И еще. Фелипе и Долорес – рабы привычки. За несколько часов до рассвета они запираются в спальне Фелипе и не покидают ее целый день. Его слуги среди прочих сейчас помогают вам в расследовании. Найти занятие для них будет нетрудно. Если вы планируете обыскать его апартаменты, это можно сделать как раз в такое время. Бояться особенно нечего. Спальня отделена от остальных комнат, и, пока Фелипе будет занят Долорес, он вас не услышит.

Она снова мягко рассмеялась, словно радостные капли весенней росы задрожали на кружеве паутины от избытка счастливой юной силы. Да госпожа Александра вовсю веселится!

– Вот где первый ход, а не в том, что я вам открыла, – продолжала она. – Сделав его, вы окажетесь втянутым в игру, из которой нет пути назад, утратите всякую власть над обстоятельствами, не будете знать, куда двигаться. Но вам нужно сделать этот ход – или же отказаться от попыток решить загадку.

Она стала рядом с ним и взяла его за руку.

– Знаю, вам трудно поверить мне, и я не буду отрицать, что руководствуюсь прежде всего собственными интересами. Но в этом деле я ваша союзница. Впрочем, для начала вам следует научиться доверять себе, а для этого вы должны вступить в игру. Только после этого вы сможете понять, на кого можно положиться.

– Вы хотите сказать, что я сам себя не знаю?

– А разве вам самому не приходила в голову такая мысль? Меня это очень беспокоило, когда я была новичком в Семье.

Она отпустила его руку, но Бехайму показалось, что между ними осталась какая-то связь, его запястье перехватило теплым зарядом ее крови.

– Передо мной притворяться бессмысленно. Я прошла сквозь эту бурю, время метаморфоз, что сейчас начинается для вас. Я знаю, что за борьба идет у вас внутри, что за ураганы налетят на вас, знаю, на что вам придется решиться.

– Что ж, – Бехайма злило превосходство, с которым она говорила, – не соизволите ли просветить меня, как преодолеваются эти противоречия?

– Скоро сами поймете. Тут я не могу влиять на вас. – Она скривила губы в улыбке. – Во всяком случае, не в таких глубоко личных вопросах.

Она вдруг резко направилась к двери.

– А теперь мне нужно идти. Но вы можете полностью на меня рассчитывать. И... Да! Чуть не забыла. – Она вернулась

и что-то вложила ему в руку. – Ключ от покоев Фелипе.

– Зачем мне обыскивать комнаты Фелипе? Их уже обыскали.

– Ну да, слуги, – возразила она. – У вас ведь это получится куда лучше, чем у них, не правда ли? Подумайте, какой у вас выбор? Конечно, вы можете бросить это дело. Но тогда вы, несомненно, навлечете на себя гнев не только Агенора, но и Патриарха. Положение не из завидных.

Бехайм вертел в пальцах ключ.

– Как вы просчитали мои действия!

– Я уже сказала – у вас почти нет выбора. И не потому, что это единственная для вас возможность раскрыть убийство. Опасности игры захватят вас. Вы осмотрительны до некоторой степени, как и все мы, но в вашем характере и поставить все на один бросок костей.

Бехайм уже не просто злился, его охватил гнев.

– Меня начинает немного утомлять, что кто-то якобы понимает меня лучше, чем я сам.

– Значит, нужно научиться понимать себя, не так ли?

– Уж не ожидаете ли вы, что я откажусь от предложения господина Агенора?

Она махнула рукой в знак отрицания.

– Вы поступите, как вам будет угодно, кузен. Ничего я от вас не жду... Во всяком случае, ничего такого, что вы бы смогли понять сейчас. И впрямь, не глупо ли лезть к вам с какими-то ожиданиями, ведь пока еще даже неясно, удастся

ли вам остаться в живых до окончания расследования. Задача вам досталась непосильная. И все же...

Она понизила голос и заговорила горячо, как будто была с ним давно и близко знакома:

– Послушайте, Мишель. Возможно, это покажется вам дерзостью с моей стороны, но я вижу, что в вашей душе спрятано настоящее благородство. Очень надеюсь, вам удастся избежать трудностей, с которыми в начале своего пути столкнулась я. Вам мешают заблуждения, и из-за них вы, вероятно, не раз совершите глупость. И особенно опасно одно, оно как камень у вас на шее – это ваша привязанность к той твари, что вы послали ко мне. Держу пари: еще до того, как вы доведете ваше расследование до конца, если все пойдет хорошо, вы обнаружите, насколько ваша связь далека от того, чем вы ее считаете сейчас. И быть может, вам также откроются глаза на редкие достоинства там, откуда сегодня, по-вашему, исходит лишь угроза.

Она быстро шагнула к нему, привлекла к себе, обняла, обхватив руками, и крепко поцеловала в губы. Он почти ничего не почувствовал, как будто это был не поцелуй, пробуждающий страсть, а печать, скрепляющая сделку. Он уже собирался сказать ей об этом, как вдруг у него закружилась голова и резко потемнело в глазах. На фоне колеблющейся зелени, как будто водной глубины – того же цвета, что и ее глаза, – с мягкой грацией водоросли в волне отлива качалась обнаженная госпожа Александра, руки ее чертили какие-то гип-

нотизирующие знаки, она медленно приближалась, словно ожившее видение тонущего. Он попытался прекратить головокружение усилием воли, но сознание его запуталось в мягкой, теплой сети, мысли смешались и обмякли, как серебристая рыбка в неводе с мелкой ячейкой, и вот, вместо того чтобы испугаться, он в упоении любуется ее причудливой красотой и недоумевает, как это она могла когда-то казаться ему некрасивой. Грушевидные груди, восхитительные ноги, длинные бедра с изысканным изгибом – стебли, венчаемые цветком ее живота, – он видит чудо, разгорается костром от брошенной ею искры. С каждым мгновением ее чувственность все глубже проникает в него. Он различает ее женский запах, запах ее крови. Ее лицо так близко, уже не различить очертаний. Темно-красные губы приоткрылись, язык цвета гвоздики движется, как морское животное. И вдруг все кончилось. Все его чувства, ощущение близости, кипение крови – все схлынуло.

Ошеломленный, пошатываясь, он увидел, что она успела отойти от него на несколько шагов. Она смотрела на него, как будто что-то обдумывая про себя, но и не без нежности и смущения.

– Что же теперь? – вполголоса проговорила она, скорее себе, чем ему.

Затем лицо ее напряглось, она решительно взглянула на него и сказала, уже тверже:

– Думаю, мне нужно побыть с вами. Помочь. Только ото-

шлите эту... – Она замялась. – Прогоните вашу служанку. Эту вашу Жизель. Пусть займется чем-нибудь другим. Я ее общества не потерплю.

Бехайм, все еще нетвердо стоявший на ногах, пробормотал что-то вроде того, что он не нуждается ни в чьей помощи.

– Может, оно и так, – ответила Александра. – Но вам нужно убедиться в том, что кроме ключа, который вы от меня получили, вам в этом деле надеяться особенно не на что. Я останусь с вами до тех пор, пока вы не уверитесь в этом окончательно. По крайней мере, в моем лице вы заручитесь дополнительной защитой, пока продолжаете опрашивать подозреваемых.

Наверное, она была права, но его обеспокоило это внезапное изменение в ее намерениях.

– С чего это вы решили помогать мне?

– Я уже сказала, это в моих интересах.

– И только?

– Ах, кузен, кузен! – мелодично вывела она, и в ее словах послышался отзвук тихой усмешки, скрывавшей затаенное желание. – Так никогда не бывает – «и только».

ГЛАВА 6

Тяжкое безмолвие, царившее в замке Банат, теперь время от времени нарушалось – под его сводами стало неспокойно. Съехавшиеся представители Семьи по большей части не покидали отведенных им комнат, но некоторые все же делали вылазки в верхние коридоры – там они вступали в перепалки, иногда вспыхивали короткие стычки. Шум и крики далеко разносились эхом – едва различимые, как будто где-то вдали ссорились птицы и поспешно спасались бегством белки, но все же пугающие в этой похоронной тишине. Нескольких из гостей Бехайм собирался опросить лично. Ему пришла в голову мысль: не скрывается ли за их лихорадочными передвижениями желание избежать разговора? Ведь если бы с ним не было госпожи Александры, заставить их уделить ему внимание было бы адским трудом, а когда ему наконец удавалось взять их за грудки, никто не проявлял желания говорить, и всякий раз его встречали со злобными или просто каменными лицами. Элейн Ванделор, которую они застали за чтением при свечах в лакейской, швырнула в него книгой, а на вопросы отвечала односложно, ледяным тоном. Германа Кюля они отыскали в заброшенной части замка – он развалился в кресле и отвечал Бехайму с надменным безразличием, прерывая свои ответы, чтобы дать указания эротического свойства служанке, все это время стоявшей на

коленях меж его ног. Георг Маутнер, занятый в комнате для игр Люпитой Каскарин-и-Мирон, приходившейся единокровной сестрой госпоже Долорес, развлекался, нанизывая на дротик мышь, Бехайма он удостоил многозначительным враждебным взглядом. Единственным, кто хоть как-то откликнулся, оказался Эрнст Костолец, политический союзник Агенора, которого, правда, вряд ли можно было назвать его другом. Его называли «скользким типом», кроме того, он слыл колдуном, так что даже самые могущественные в Семье относились к нему с опаской. Бехайм и Александра нашли его в Патриаршей библиотеке, которая представляла собой не помещение, а нечто вроде огромной винтовой лестницы, устроенной в центре замка и уходящей более чем на полтора километра вглубь. Стены ее были заставлены книгами, зачастую такими древними, что стоило открыть какую-нибудь из них, как она рассыпалась на сотни клочков пожелтевшей бумаги, и они разлетались, опускаясь в этот темный колодец, словно рой хрупких бабочек-призраков. Это было одно из немногих мест в замке, во всяком случае находящихся в общем пользовании, которые освещались не факелами, а фонарями: видимо, Патриарха больше заботили его книги, чем безопасность его чад.

Костолец был примерно того же возраста, что и Агенор, но выглядел гораздо более дряхлым – согбенный, с морщинистой лисьей мордочкой, торчащими бровями и несколькими прядями тонких белых волос, лежавшими на покрытом пят-

нами черепе, как обрывки облаков над поверхностью мертвой планеты. Он стоял на одной из площадок – восьмиугольном пространстве шириной около восьми метров, – сгорбившись над пюпитром и рассматривая сквозь увеличительное стекло книгу в кожаном переплете, раскрытую на странице, испещренной причудливыми рукописными буквами. В середину колодца от пятигранного стеклянного фонаря, висевшего над пюпитром, лились лучи оранжевого света, но противоположная стена оставалась во мраке. Старик увидел их, когда они шли по лестничной площадке прямо над его головой, и на его лице мелькнула досада. Он захлопнул книгу, и от нее поднялся клуб пыли. На обложке было что-то написано золотым шрифтом по-португальски, под надписью красовалось изображение золотой пальмы, увенчанной полумесяцем, а на корешке был оттиснут символ – корона и лист. Бехайм заметил, что серая шелковая рубашка Костолеца покрыта на груди толстым слоем пыли, – наверное, он успел захлопнуть уже немало книг. Должно быть, чем-то недоволен. Но когда они подошли поближе, он приветливо улыбнулся, – по крайней мере, по сравнению со всеми предыдущими собеседниками это выглядело дружелюбно. Бехайму, конечно, было страшно задавать вопросы этому грозному старику, но все же он почувствовал некоторое облегчение.

– А, превосходно! Наш юный полицейский, – приветствовал его Костолец, вытирая руки о штанину, тоже серого цвета.

В окружавшей их пустоте его голос отдался негромким рокотом, и от его слов в темноте колодца, в самой его середине, словно что-то шевельнулось.

– Вот так комедия! У меня такое чувство, будто меня окружила труппа бродячих актеров. – Он бросил лукавый взгляд на Александру. – И какую же роль, дорогая, вы играете нынче? Полагаю, не трепетной инженю.

– В этой сцене, – сухо ответила она, – считайте меня копьеносцем.

– Какая изящная угроза. Неплохо. – И он обратился к Бехайму, перебиравшему листки бумаги, на которых вел свои записи: – Держите с ней ухо востро, господин полицейский! У нее талант обманывать саму себя, и это помогает ей скрывать свои истинные мотивы.

Бехайм, не обращая внимания, сказал:

– Ваш слуга Жюль утверждает, что в ночь убийства был с вами в библиотеке. Вы оба провели здесь всю ночь?

– Разве не это утверждает Жюль?

– Да, но...

– А раз так, я не стал бы подвергать его слова сомнению. Он – джентльмен исключительных душевных качеств.

Костолец оперся о пюпитр – без старческого напряжения, но как будто даже с какой-то гибкой силой.

– Он разыскивает для меня книги. Это экономит время.

– Почему он не помогает вам сейчас?

Костолец рассмеялся:

– У него появились более важные дела. В эту минуту он рыщет по замку, опрашивает народ – выполняет чьи-то дурацкие поручения. Кажется, какого-то полицейского.

– Ах да, извините, – пробормотал Бехайм и снова занялся своими бумажками. – Жюль также упомянул, что вы приступили к какому-то обширному исследованию. Можно поинтересоваться, каков предмет ваших изысканий?

– Он не имеет отношения к вашему расследованию.

– Возможно, это и так. Но, боюсь, судить об этом – мое дело.

– Я смотрю на вещи иначе. – В голосе Костолеца послышался гнев.

– Вы правы, я не могу принудить вас к ответу. Могу лишь занести в протокол, что вы отвечать отказываетесь. Однако не исключено, что ваши изыскания имеют некоторое отношение к делу, а вы и не подозреваете об этом. Но даже если они тут ни при чем, почему бы нам не поладить и не разойтись по-хорошему?

Костолец долго молчал. По его позе и выражению лица невозможно было догадаться, что у него на уме. Бехайм устремил взгляд через перила вниз, на уходящую штопором вглубь лестницу. В середину колодца били лучи света с площадок, расположенных ниже, висевшая в воздухе пыль придавала лучам отчетливую форму. В тени, как рудные жилы, поблескивали переплеты книг. Совсем далеко внизу, в зернистой темноте, словно светлячок, трепыхалась светящаяся

оранжевая точка. Наверное, еще один книжник поднимается с фонарем. С верхней площадки донесся тихий скрип, но Бехайм никого там не увидел. Может быть, здание оседает, предположил он.

Наконец Костолец сказал:

– Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что ваш допрос оскорбителен.

– Разумеется, я сожалею, что приходится... – начал Бехайм, но Костолец оборвал его:

– С другой стороны, это я должен отдавать себе отчет в том, сколь вы зелены и в какое безвыходное положение вас загнали. Поэтому я отвечу на ваш вопрос.

От льстивой улыбки морщины на его иссохшем лице стали еще четче и глубже. Бехайм, пораженный таким проявлением здравого рассудка, пробормотал слова благодарности.

– Я изучаю будущее, – сообщил Костолец.

Бехайм ждал дальнейших объяснений, но их не последовало. Он взглянул на Александру, которая едва заметно пожала плечом. С лица Костолеца не сходила улыбка.

– Не могли бы вы рассказать поконкретнее?

– Не мог бы.

– Ну что ж... – Бехайм прошелся к краю площадки и снова заглянул в колодец. И опять услышал, как что-то тихо скрипнуло. – Похоже, будущее – по крайней мере, в вашем представлении – как-то связано с трудами Королевского ботанического общества Португалии. Книга, которую вы только что

просматривали, кажется, содержит некоторые из его колониальных журналов. Изображение пальмы на обложке наводит меня на мысль, что в работе речь идет о какой-то тропической стране. Полумесяц, – тут он развел руки, – возможно, имеет отношение к исламу. Тропическая колония Португалии с населением, исповедующим ислам? Я не знаком с историей португальской экспансии. Но на ум приходят кое-какие африканские территории. А может быть, это колония, расположенная еще дальше к востоку. Что вы на это скажете? В последнее время у нас много говорят о Востоке, и я рискнул бы предположить, что вы, возможно, ищете такое место на Дальнем Востоке, куда могла бы перебраться Семья.

– Был у меня когда-то кобель – на задних лапках стоять умел и при этом лаял. Ловкий был песик! Потешный такой.

– Рад, что пробудил дорогие вашему сердцу воспоминания, – сказал Бехайм.

– Да только одной ловкостью ничего не добьешься – вот и вы чего добились, раскусив, что я тут исследую? Какая может быть связь между моим копанием в книжках и убийством Золотистой?

– Видимо, никакой, – ответил Бехайм. – И все же тема нашего возможного переселения тесно связана с моим расследованием. По крайней мере, у меня такое чувство. Мало у кого из нас отношения с другими ничем не осложнены. Как бы ни протекали события, какими бы первыми попавшимися причинами мы их ни объясняли, наши поступки отдают-

ся эхом во многих направлениях, и какая-нибудь одна-единственная страсть вовлекает в себя уйму самых разных интересов. Думаю, глупо было бы упрощать взгляд на преступление, пытаться отделить его от общей картины. Поэтому меня и интересуют ваши политические симпатии. Насколько я вижу, до последнего времени вы держались в стороне от такого рода дел. Разумеется, ни вы, ни Агенор никогда не испытывали ни толики расположения друг к другу, и тем не менее сейчас вы его поддерживаете. Взаимовыгодный политический союз? Возможно. Но с моей стороны было бы неумно сразу отбросить всякое предположение о том, что тут замешано что-то еще.

– Не понимаю, почему это заставляет вас подозревать меня в убийстве.

– «Подозревать» – слишком сильно сказано. У меня нет подозреваемых как таковых. Я ограничен временем и обстоятельствами и посему вынужден сосредоточиться на тех, чье поведение, на мой взгляд, резко выбивается из ряда вон. Вы привлекли мое внимание. Может показаться, что я хватаюсь за соломинку – в общем, так оно и есть. Но в расследованиях такого рода одна логика редко приводит к результатам. Кто-то делает промах, кому-то что-то шепнут на ушко, случается непредвиденное – и вдруг вырисовывается все положение дел. Что касается моей роли, я забрасываю сеть наудачу в надежде, что какая-нибудь акула увидит меня и постарается полакомиться кусочком моей ноги, считая меня всего лишь

ловкачом.

Александра негромко рассмеялась, она была довольна. Костолец косо посмотрел на нее, на миг лицо его обратилось в злобную маску. Но затем и он засмеялся. И кивнул Бехайму. Вежливо так.

– Прошу прощения, – сказал он и, гигантским прыжком перенесясь к ступеням лестницы, взбежал на площадку прямо над ними.

Раздался крик, шум короткой схватки. Прошло всего несколько мгновений, и Костолец снова предстал перед ними, таща за собой перепуганного юношу, одетого в черное, со всклокоченными каштановыми волосами и худым большеротым лицом. Лоб парня был усеян свежим урожаем прыщей.

– Это еще кто? – поинтересовалась Александра.

– Ванделоры подослали, – сказал Костолец. – Не так ли?

Он схватил парня за шиворот, вскинул к самому фонарю и подвесил, раскачивая на руке, так что тот с треском ударился коленями о перила.

– Эта сволочь – уже третий шпион, которого они ко мне засылают со времени моего приезда.

– Мой господин, сжальтесь надо мной! – выдавил парень, вцепившись Костолецу в запястье в надежде перестать раскачиваться. – Я не хотел причинить вам зла.

– Вот слава богу! – насмешливо воскликнул Костолец. – А то я уж так испугался за свою жизнь.

Он устремил на парня черный немигающий взгляд древнего пресмыкающегося.

– Кто тебя прислал?

Шпион облизнул губы, метнул быстрый взгляд на Александру, потом на Бехайма.

– Марко, – признался он. – Марко прислал. Господин, меня заставили...

– Молчать! – приказал Костолец и взглянул на Бехайма. – Теперь понимаете, почему меня так бесят ваши расспросы? Эти Ванделоры не дают мне покоя ни днем, ни ночью. Как можно, чтобы в твои дела вот так все время лезли?

– Чего бы это Ванделорам нужно было от вас? – спросил Бехайм, не сводя взгляда с парня, которому никак не удавалось глотнуть – так плотно ему перехватило горло воротником.

– Им нужно, – Костолец подчеркнуто отчетливо выговаривал каждое слово, как будто целясь ими и выпаливая в Бехайма, – выпытать мои секреты.

Он с силой притянул к себе парня и прильнул к его губам в поцелуе. Зрелище двух впечатавшихся друг в друга лиц, гладкой кожи одного из них, к которому в расходящемся веером красноватом свете посреди бесконечной тьмы прилип, присосался мертвенно-бледный морщинистый зверь, заставило Бехайма почувствовать странное отчуждение, как будто он заглянул в измерение, где все перепутано: в человечьем обличье бродят скоты, а с настоящими людьми обращают-

ся, как с баранами, физический мир превратился в погреб, наполненный позолоченными значками и прахом, жизнь почернела и потеряла свою ценность, зато предметом мечтаний стала смерть.

Костолец оторвался от парня и смотрел, как тот безвольно болтается, подвешенный им за шиворот.

– Передай Марко: еще раз такое повторится – пусть ждет меня в гости.

Казалось, он что-то обдумывает, глядя из-под нависших посередине лба совиных бровей, поджав губы.

– Впрочем, – произнес он, – я сам ему это скажу.

И, вперив взгляд в Бехайма, небрежным и быстрым движением руки он перебросил молодого человека через перила. Тот успел перевернуться в центре колодца, рот его был разинут, в глазах белел ужас, парня словно держали в воздухе слегка окрасившие его в красный цвет лучи фонаря. Бехайм метнулся к перилам, но было уже поздно – несчастный кувыркнулся и устремился головой вниз, в темноту, над ним повис истошный, душераздирающий крик. Вот он летит, вот он исчез, и у Бехайма тошнотворно похолодело в животе. Он резко развернулся, готовый гневно призвать старика к ответу, но застыл на месте, увидев, что Александра и Костолец стоят лицом к лицу, дрожа от ярости, – высокая красивая женщина в ночной рубашке и хищный старик, – как злобные потусторонние звери. Он ждал, что они набросятся друг на друга, будут дубасить, кусать и рвать на куски вражескую

плоть. Но их запал вдруг схлынул, позы смягчились, и Александра спокойно сказала:

– Неважно вышло.

– Неважно! – Бехайм с треском ударил кулаком по перилам. – Вы бы еще сказали, что он поступил бестактно. А что будет дальше? Массовое уничтожение людей назовем неучтивостью, а детоубийство – озорством?

Не обращая на него внимания, она продолжала говорить с Костолецом.

– Если вы хотели преподать урок, – сказала она, – можно было придумать что-нибудь более действенное.

– Так вот оно что! – воскликнул Бехайм. – Это, оказывается, был урок! И чему же он должен меня научить? Уважению к старшим?

– Осторожности, хотелось бы надеяться, – ответил Костолец. – Без нее вы среди нас недолго продержитесь.

Бехайм открыл было рот, но Костолец вскричал:

– Хватит! Довольно меня донимать!

Он отвернулся, встав лицом к колодцу. Свет фонаря зажег красным пряди его белых волос, глянцем лег сзади на его шелковую рубашку.

– Я не убивал, – стальным голосом произнес он. – Надраться кровью до одури – удовольствие не для меня. Я человек Патриарха во всех отношениях и ни за что не нарушу его традиции. Впрочем, думайте, что хотите.

Бехайм услышал неприятный вибрирующий звук, как

будто от мощного механизма, работавшего где-то вдали, и не мог избавиться от необъяснимого ощущения, что он исходит от Костолеца. А вдруг старик сейчас обернется, и облик его будет совсем другим: глаза вспыхнут, морщинистое лицо превратится в дикарскую бронзовую маску, а вместо языка изо рта выползет черная гадюка. Но тот заговорил, и совсем не угрожающе, а задумчиво.

– Наступили трудные времена, – сказал он. – Все мы должны как можно лучше сыграть отведенную нам роль. Но советую вам запомнить: моя роль не имеет ничего общего с вашим представлением об этом мире. Я не желаю вам зла, но более не позволю отвлекать меня. – Он тяжело вздохнул. – Оставьте меня в покое.

Александра положила Бехайму руку на плечо и кивнула на дверь, расположенную несколькими пролетами выше. Внезапно почувствовав тревогу и от этого остыв, он дал себя увести. Но когда они поднимались по лестнице на следующий этаж, у него вдруг екнуло сердце, он остановился, нагнулся над перилами и заглянул вниз, туда, откуда они ушли.

Лучи света, лившегося от фонаря, обрели четкие очертания сияющих клинков, которые касались фолиантов, выстроенных в ряды вдоль противоположной стены. Свет становился все ярче, в то время как сам Костолец начал темнеть, его плоть и одежда лишались формы и цвета, словно на него пала глубокая тень. Наконец свет померк, стал таким, как прежде, а тот, кто стоял у перил в его лучах, сам

теперь едва отличался от тени, превратившись в пятно абсолютной, равномерной черноты. Этот нечеловек застыл в неподвижности, но вот в считанные мгновения он разлетелся на фрагменты черной энергии, похожие на обрывки бумаги, и эти кусочки летучими мышами, прахом и тленом, порхая, устремились в темноту. Затем, как пласт мерцающего антрацита, обнажившийся в воздухе, в середине колодца показалось что-то блестящее, как бы изливающееся одновременно и вниз и вверх, отражающее падающий свет. Бехайма пробрала дрожь, как будто его пронизало нечто из нематериального мира. И тут мерцание погасло, и все стало на свои места – только Костолеца больше здесь не было, лишь несколько пылинок медленно кружилось в оранжевых лучах фонаря, сверкая, словно призраки звезд и галактик.

ГЛАВА 7

Они шли по коридору, который вел от Патриаршей библиотеки. Бехайм вдруг по-новому взглянул на Александру. Вряд ли она принялась бы защищать его от существа столь могущественного, как Костолец, лишь ради достижения политической цели, и все же она, кажется, пошла на это. Он вспомнил, как она смутилась, когда они обнялись. Возможно ли, спрашивал он себя, что она почувствовала к нему едва забрезжившую симпатию? Маловероятно, но, с другой стороны, мог ли он допустить раньше хоть мысль о том, что его самого вдруг с такой всепоглощающей силой потянет к ней? Он поймал себя на том, что тайком следит за ней, отмечая все ее привычки: как она грызет ноготь указательного пальца в минуты замешательства; как в ее зеленых глазах бегают тени, если она чем-то недовольна; обратил внимание на ее походку, осторожную, словно она ступает во сне, как лунатик – осмотрительно, крайне сдержанно. Правда, когда ей вдруг делалось интересно, она, не останавливаясь, поворачивалась, чтобы посмотреть на него, походка ее становилась пружинистее, и она почти бежала вприпрыжку, как застенчивая школьница. Он заметил, как серьезно она его слушает, опустив голову, прикрыв глаза, с умиротворенным лицом, словно монахиня во время молитвы. Она легко могла рассмеяться, но не отдавалась смеху целиком, как будто та ее

внутренняя часть, что должна была рождать живой отклик, оставалась пустой, сумрачной, безрадостной, и от этого казалось, что в ней заключена какая-то пугающая, противоречивая сила, как у человека, находящегося под действием чар. Как мог он считать ее огромный рост нелепым? Теперь ее тело изумляло его своей изящной стройностью, ладностью, чудесным, художественно выверенным сложением, и, представляя себе, что они вместе, он уже видел не причудливое гордиево переплетение, а мирный, гармоничный союз. Ну не смешно ли так думать, говорил он себе, они ведь всего лишь оказались вместе втянутыми в какую-то пока даже непонятную интригу. И все же ему было не удержаться от таких мыслей и хотелось думать, что взгляды, которые она время от времени бросает на него, – это знаки зародившегося чувства. Должно быть, она позволяет ему мельком увидеть, какова она на самом деле, то и дело сбрасывает на миг покров напористой враждебности, в котором она явилась в его покои, подпускает его к своей глубоко запрятанной душе – способной гневаться и радоваться, выходить из себя и печалиться, жить обычными чувствами, которые, однако, умеряются внутренней серьезностью и проникнуты каким-то страстным самообладанием. Он все еще подозревал ее, все еще сомневался в ее намерениях, но чувствовал: есть какая-то правда в его предположении, что она переменилась в отношении к нему, что если ей с самого начала было что-то от него нужно, то теперь нужно что-то большее.

Они свернули в освещенный фонарями длинный боковой коридор, кровля которого была сложена из выбеленных камней. В его стенах то и дело попадались арки, ведущие в тоннели, обширные пещеры, другие коридоры. В какой-то момент оба вдруг поймали себя на том, что смотрят друг на друга. Александра быстро отвела взгляд и спросила, о чем он думает.

– Трудный вопрос, – сказал Бехайм.

– Неправда, – возразила она. – Нет вопроса легче, если, конечно, не хочешь что-нибудь скрыть.

– Не хочется выглядеть дураком, – ответил он, сделав несколько шагов молча.

– Думаю, мы уже достаточно долго идем вместе, чтобы смягчиться в своих оценках друг друга.

– Ну, что ж, ладно. Я думал о вас.

В это мгновение они проходили мимо вставленного в нишу фонаря, и ее тень, следовавшая за ней по полу, вспрыгнула на стену и зашагала плечом к плечу с ней – вытянутый, резко очерченный контур ее существа, как будто охотница внутри нее насторожилась.

– Вот как? – Она беспокойно рассмеялась. – Ну и как я вам?

– Обворожительны. И что-то в вас тревожит меня. – Он пытался поймать ее взгляд. – Вы очень красивы.

– И что же именно во мне тревожит вас? – Снова смех. – Я не возражаю, когда перечисляют мои добродетели.

– Быть может, это не вы тревожите меня. Наверное, я не вполне доверяю собственной интуиции.

– Это все равно что сказать: вы во мне не уверены.

– Очевидно, вы правы.

Они подошли к арке, выходившей в большое пустое помещение. Там, метрах в тридцати от них, в продолговатом островке света, отбрасываемого двумя фонарями, стояли трое мужчин и женщина, судя по роскошным одеяниям, члены Семьи. Женщина была полуобнажена, лиф платья спущен на талию, все мужчины тоже были одеты не полностью. Уж больно зловеще застыли в своих позах, подумал Бехайм, как будто они нарочно поставили эту сценку для него с Александрой, а не были застигнуты врасплох за бесстыдными утехами. Ему стало неловко и как-то тяжело на душе. Женщина поманила их рукой, но его не прельстило ее приглашение.

– Узнаете кого-нибудь? – спросил он Александру.

Она задержала на них взгляд.

– С такого расстояния – нет. Хотя вон тот, в красном... Это, кажется... – Она осеклась, вглядываясь в них. – Нет, не знаю.

Женщина еще раз помахала им рукой.

– Идем. Оставим их в покое, – сказал Бехайм.

– Вы не хотите их опросить?

– В таком составе они только будут врать и подпевать друг другу.

Ему стало совсем не по себе. Он взял Александру за руку

и пустился прочь по коридору, почти волоча ее за собой то и дело оглядываясь.

Александра казалась огорошенной, но послушно пошла за ним и даже побежала, когда он ускорил шаг. Они обогнули несколько углов в лабиринте коридоров, и, когда наконец остановились, чтобы отдышаться, она спросила его, в чем дело.

– У меня появилось дурное предчувствие, – объяснил он. – Как будто они... Не знаю. Как будто они подстроили какую-то ловушку.

Они вышли из коридора в открытое пространство, вырубленное в мраморе наподобие пещеры. Нижний его край скрывался под небольшим озером, по берегу которого были разбросаны грубо высеченные глыбы мрамора. От стен пещеры, точнее, от светящегося мха, украшавшего почти каждый квадратный сантиметр камня и корками, похожими на тлеющие островки, плававшего на черной поверхности воды, исходил неяркий белый с просинью свет. В одной из стен зиял довольно большой круглый проем, сквозь который вполне мог, не нагибаясь, пройти человек. Через него открывался вид на какой-то сложный металлический механизм с огромными шестернями, приводными валами и другими диковинными деталями. Сквозь просветы в механизме виднелись участки мраморной глади, круто поднимавшейся вверх. Это походило на замысловатую головоломку, выложенную на белом фоне, в которой недоставало нескольких частей.

Во всей этой картине была какая-то гибельная прелесть, а когда Александра устроилась на одной из мраморных глыб, подтянув к себе колени и опершись на них подбородком, ее как будто окружила аура нереальности, словно этот пейзаж и породил ее – нимфу, Лорелею.

– Предчувствие, – задумчиво произнесла она. – Иными словами, чувство, которому вы поверили.

– Было бы глупо не поверить ему.

– Но другим своим чувствам вы, похоже, не верите. Или насчет меня у вас тоже было предчувствие?

– Вряд ли. Просто с вами все как-то зыбко.

Он подсел к ней. В глубине пещеры, там, где низко опускался потолок и сужались стены, под самой поверхностью блестящей черной воды, распространяя круги и рябь, но не показываясь, быстро плыло что-то большое.

– Но, так или иначе, это не важно.

– Что не важно? – Она опустила голову, пряча застенчивую улыбку.

– Вы со мной играете, – сказал он.

Она пожала плечами:

– Я пытаюсь уговорить вас рассказать мне, о чем вы думаете, но это не очень-то мне удается.

– Уверен, вы и сами знаете, о чем я думаю, – раздраженно сказал он. – О вас и обо мне. Пытался представить нас вместе.

– Вот это довольно откровенно, – сказала она.

– Разумеется, как я уже сказал, – продолжал Бехайм, обескураженный ее безразличным тоном, – все это не имеет никакого значения. Какая разница?

– Но почему?

– Хотя бы потому, что через несколько дней мы покинем Банат. Я вернусь в Париж, вы – к себе домой.

– Не понимаю.

– Стоит ли начинать отношения, если в них не успеешь разобраться?

Она пронзила его испытующим взглядом, отвела глаза и устремила взор в стенной проем, накручивая на палец прядь золотисто-каштановых волос.

– Отношения, – повторила она. – Как странно их хотеть. Если я чего-то хочу – то без всяких условий. Меня не волнует, что будет потом. – Она снова взглянула на него. – Во всяком случае, как правило.

Он был задет.

– Вероятно, это у меня лишь симптом... гм... Как вы это называете? «Времени метаморфоз».

– Не думаю, – ответила она, снова переводя взгляд на проем в стене и механическую головоломку за ним. – Агенор говорил, что вы способны удивить. Возможно, он прав.

Очевидно, она видела в нем – или в каких-то своих чувствах, связанных с ним, – что-то совершенно неожиданное для себя. Ему казалось, что он теперь имеет на нее влияние – если только не будет слишком нажимать.

– Не вижу ничего удивительного в желании продлить хорошее, – сказал он.

– Вряд ли оно продлится. Но я уже давно не думала таким образом.

В повисшей тишине он услышал плеск воды и увидел, как по мраморной глади, простирающейся за проемом в стене, быстро передвигается что-то маленькое и черное: бежит вперед, бросается вспять, то попадая в поле зрения сквозь просветы в механизме, то снова исчезая. Он закрыл глаза, ощущая ее присутствие рядом, ее тепло, ритм ее дыхания и сердца. Аромат душистой воды из цветов апельсинового дерева, ее собственный мускусный запах, пьянящее прелестное благоухание потока горячей крови.

– Хотел кое о чем спросить вас, – сказал он. – Правда, вы можете рассердиться.

– Постараюсь сдержаться.

– О человеке, которого убил Костолец. Как в вас это уживается: спокойно смотреть на такое бессердечие и жестокость и быть чувствительной – может быть, даже человечной, – как сейчас?

Он не видел ее лица – она чуть отвернулась, на щеку ей, скрывая профиль, упали волосы, но было ясно, что вопрос задел ее за живое: на шее выступила жила, все тело напряглось. Но ответила она ему без всякого раздражения, лишь некоторая неуверенность прозвучала в голосе:

– Конечно, с трудом. Вы же убиваете ради пищи. Вам по-

нятно, что говорить о своих чувствах к тем, кем мы кормимся, – лицемерие. И все же многие из нас попадаются на это. Да и со мной такое бывало. Я считаю, что чувство вины, которое в конечном счете порождается такими бесполезными связями, заставляет нас обращаться со всеми смертными, как со скотиной, отвергать их, чтобы избежать близости с ними. – Она отбросила с лица волосы и спокойно посмотрела на Бехайма. – Вот нынче вечером я пришла к вам и накричала на вашу служанку – это, пожалуй, в чем-то было просто защитной реакцией. Кроме того, – она метнула на него быстрый взгляд, – думаю, я немножечко приревновала вас к ней. Вы мне нравитесь. В то же время она внушает мне отвращение, – возможно, я так пытаюсь себя утешить. Может быть, мы лишь по необходимости начинаем презирать их. А возможно, мы меняемся настолько радикально, что уже не способны питать к ним хоть сколько-нибудь расположения. Но иногда мне кажется, что мы не так уж и далеки от смертных и разница между нами только в том, что мы сильнее и наша жестокость – лишь более яркий образ их жестокости. Даже у худшего из нас найдется соперник среди людей по способности причинять зло. Так что, когда вы спрашиваете меня о Костолеце, – она сцепила руки и поднесла их к груди, – вынуждена ответить вам: мы делаем то, что позволяет нам жить. Его поступок может казаться ненужным злодейством – называйте, как хотите. Но он стар, это другое поколение. Он давно забыл, кем был когда-то, и лишь частично живет в

нашем с вами мире. – Она печально вздохнула. – Вот и все, что я могу сказать. Это... – она грустно покачала головой, – это все.

Он ожидал, что будет с ней спорить, пытаться что-то доказывать, но ее ответ оказался столь кратким и ясным, так честно отражал весь ужас их положения, был столь прост по сравнению с напыщенностью, которой перед тем была встречена большая часть его вопросов, что полностью убедил его, и не было смысла спрашивать ее о чем-либо еще. От ее слов ему стало грустно, а где грусть, там правда – так он считал. Как истинный француз, он не верил в счастье или, вернее, не верил, что в нем есть настоящая глубина.

– Что это? – Она показала в сторону дыры в стене, на прыткое черное нечто, время от времени вырисовывавшееся на мраморной равнине.

– Понятия не имею.

– Пойдем посмотрим.

Она соскочила с мраморной глыбы и, обходя озеро, направилась к проему. Он нехотя последовал за ней. Он понял, что хотел поцеловать ее, теперь эта возможность отдалилась.

Оказалось, что механизмы лежат снаружи без всякого дела: отдельные зубчатые колеса, каркасы, разные мелкие детали, рычаги, по большей части разбросанные, словно игрушки, оставленные ребенком-великаном, но некоторые элементы соединялись друг с другом болтами, головки которых были размером с большие плоские блюда, – получалось что-

то вроде простых механических скульптур. Вверху огромное наклонное зеркало отбрасывало вниз серебристый свет, шедший от невидимого источника. Как лунный, подумал Бехайм. Может быть, там целая система зеркал, которые отражают свет, проникающий сквозь бойницы в стенах замка? За механизмами, на сотни метров к стене с дюжиной арочных дверных проемов, наклонно поднималась вверх белая мраморная гладь, а по ней, цокая копытами, опуская голову, наскакивая на воображаемого товарища по игре, затем пускаясь легким галопом, время от времени останавливаясь и тараща глаза на Александру и Бехайма, носился черный жеребец, лет двух – уже вполне взрослый, но все еще игривый.

– Какой красавец! – сказала Александра вслед коню, который, вращая глазами и косясь на них, рысью ускакал прочь.

Шкура его лоснилась, будто намасленная. В отблесках слабого света было видно, как играют его мускулы. Это мчалось совершенство силы и сексуальной мощи, живая машина из крови и костей под шелковистыми покровами. Когда он встал вдалеке как вкопанный, на фоне поднимавшейся вверх равнины, можно было принять его за символическое изображение на белом мраморе.

– Откуда он здесь? – удивилась Александра.

Бехайм ответил:

– Может быть, это и не конь вовсе.

– А кто же?

– Ну, например, старина Костолец. Или какой-нибудь его

недруг, на которого он наслал проклятье. Тут ведь можно ожидать чего угодно.

Но жеребец вел себя совсем как настоящий: не давал им подойти поближе и коснуться себя, чуял, что они чужие, при всякой их попытке приблизиться шарахался в диком страхе, тихо ржал и отбегал. Может быть, как и смерть парня от рук Костолеца, это своего рода урок, устроенный им здесь, чтобы напомнить о неестественности их жизни, об их хищнической природе и тем самым разрушить любые иллюзии их человечности, которые они еще могли бы питать? По крайней мере, на Александру это, кажется, подействовало именно так. Она замкнулась, притихла, а когда Бехайм попробовал ее поцеловать, положил руки ей на талию, приблизил губы к ее губам, она было отозвалась, но тут же выскользнула из его объятий и сказала, что больше не знает, что ей нужно.

ГЛАВА 8

В других помещениях верхних этажей, как и в пещере с мраморной равниной, тоже оказались свои постоянные обитатели, как будто их присутствие там было задумано архитектором или словно их там нарочно выставили. В одной зале они наткнулись на жалкого старикашку, прикованного цепями к стене; вокруг него валялись куски мяса с хрящами и кучки фекалий. Стоило им подойти к нему ближе чем на три метра, старик затягивал развеселую бессмысленную песенку, но как только они отходили дальше трехметровой черты, он резко замолкал, словно на этой границе срабатывало какое-то сигнальное устройство. В соседней комнате, пристально глядя на них и часто дыша, их встретил черный английский дог, на шее у которого висел медальон из червонного золота. Пройдя в следующую палату, они увидели льва, спящего под розовым кустом с лепестками из зеленого стекла и цветами, вырезанными из сердолика. В помещении с длинным прямоугольным бассейном, наполненным прозрачной водой, и со стенной росписью, изображающей бледно-лиловые небеса, далекие пики заснеженных гор и изящные здания с дорическими колоннами и перистилями, три красавицы так увлеклись лесбийскими утехами, что Бехайму даже криками не удалось привлечь их внимание. В маленькой часовне, потолок которой был украшен фресками в сти-

ле Микеланджело, а может быть, и его кисти, привязанный к кресту бородач монотонно бубнил что-то на языке, в котором Александра узнала древнееврейский. Время от времени бедняга разражался хохотом. В бывшем птичнике, заваленном порванными сетками, ржавыми клетками, и запачканном птичьим клеем, несметные полчища жуков-могильщиков лакомились трупом огромного животного, назвать вид которого было невозможно. В комнате, стены и потолок которой были обтянуты черным шелком, на черной кровати под балдахином лежала голая безобразно толстая женщина и развлекалась игрой, фишками в которой служили мелкие кости с изощренной серебряной инкрустацией. Ее противником был смуглый тощий мужчина ростом не выше полуметра – он сидел на краю кровати и почти все время в ужасе таращился на свору тявкающих белых собачонок, стоявших на задних лапах, а передними цеплявшихся за покрывало, пытаясь добраться до него.

По словам Александры, таких комнат были десятки, а то и сотни. Бехайму хотелось осмотреть их все, найти то, что прольет свет на пока незнакомые грани характера Патриарха и таким образом поможет ему лучше понять Семью. Но времени было в обрез, и они прошли мимо этих помещений туда, где, по мнению Александры, должен был находиться Миколас де Чег, младший брат Буки де Чега, патриарха этой ветви. Валеа и де Чеги враждовали друг с другом, и ей не очень хотелось встречаться с Миколасом – не потому, что

она боялась его (говорила, что не боится), а потому, что не хотела обострять междоусобицу.

– Не поддавайтесь на провокации – он попытается разозлить вас, – предупредила она. – Иначе вам не удастся ничего узнать.

Слышав о репутации де Чегов, Бехайм и сам не очень-то горел желанием побеседовать с Миколасом, но если он пройдет это испытание, худшее будет позади. И он отправился на эту встречу если не с уверенностью, то, во всяком случае, с надеждой.

С серой поверхности одной из стен длинного и узкого помещения, в котором они нашли Миколаса, между высоких окон-щелей свисали полосы отставших обоев. За стеклом каждого из окон были установлены мощные фонари, лившие на грубый деревянный пол потоки мертвенно-белого фальшивого солнечного света. Как бывает в домах зимой, такое освещение лишь подчеркивало общую картину упадка, усиливало ощущение заброшенности этого нежилого пространства. Под одним из окон, в дальнем от двери углу, сидели трое детей – два мальчика и девочка, одетые в лохмотья, все с грязными белокурыми волосами, безразличные и бледные. Всем троим было лет по одиннадцать-двенадцать, у всех пустые глаза. Рядом с ними одиноко стоял стул с прямой спинкой, на него кучей была брошена одежда и полотенце.

Остальные стены тоже были серые, с отставшими обоями, но окон здесь не было. Вместо них на вбитых колыш-

ках висела уйма разного оружия: мечи, хлысты, булавы, копья, кинжалы. В центре комнаты стоял черный столб с двумя кнопками, упиравшийся в белую металлическую коробку на потолке, рядом со столбом – манекен размером с человека, из бледного крупноволокнистого дерева, к руке его прикреплена болтами сабля. Овальная вытянутая голова без лица, заостренная сверху и снизу, какая-то насекомообразная, сидит на тоненькой шее. Туловище покрыто царапинами и зазубринами, на груди нарисовано красное сердце. От конечностей идут провода к сложному переплетению кабелей и шнуров, сходящихся в коробке под потолком, что, очевидно, позволяет манекену передвигаться по комнате в любую, даже самую дальнюю ее точку. Миколас нападал, манекен отражал его удары и переходил в контрнаступление, на вид неуклюже, подергиваясь, но достигая цели. Глядя на эту сцену из дверей, рассматривая провода и коробку, Бехайм так и не смог понять принцип работы механизма. Он пришел к заключению, что в металлической коробке, должно быть, находится устройство, преобразующее выпады и защитные движения Миколаса в ответные действия манекена. Но такая машина должна быть неимоверно сложной, и он даже представить себе не мог, на чем основана ее конструкция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.